

вселенная магических битв

Берсерк

ЦЕНА
КОРОНЫ

Алексей ГАМАЮН
Татьяна СЕРЕБРЯНАЯ

Алексей Гамаюн

Цена короны

«Точинов Виктор»

Гамаюн А.

Цена короны / А. Гамаюн — «Точинов Виктор»,

Новая книга из межавторского цикла по миру настольной карточной и онлайн-компьютерной игры «Берсерк»! Пока непобедимый герой Хигарт занят поисками составных частей Молота Времени, за его спиной, в столице, происходит много интересного: плетутся интриги и составляются заговоры, Тьма тянет свои магические щупальца к Адрилиану, готовящемуся принять корону и скипетр. Раэр, полководец Тьмы, считавшийся погибшим в Халланских войнах, – вернулся и готовится к сокрушительному реваншу. Поединки воинов и единоборства магов, расследование Инквизиции и схватки с чудовищными монстрами, порожденными Тьмой, – всё слилось в одну большую игру, где главная ставка – корона Туллена. Клинки против магии, мужество против предательства, честь против ослепляющей жажды власти... Захватывающие приключения любившихся героев, кровопролитные битвы и великие свершения ждут тебя, читатель!

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	20
Глава пятая	26
Глава шестая	31
Часть вторая	39
Глава первая	39
Глава вторая	45
Глава третья	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алексей Гамаюн, Татьяна Серебряная

Цена короны

Часть первая

Ложь и корона

Глава первая

Чем заканчивается фальшивое гостеприимство

Ночь покрыла наконец всю округу – и долины, давно уже тонувшие во мраке, и горные пики Страны йордлингов, долго сопротивлявшиеся подступающей темноте, освещенные опустившимся за горизонт светилом.

На степное предгорье, полого понижавшееся в сторону пустыни, тоже навалились тьма и безмолвие.

Багровое пятно костра едва рассеивало мрак – дрова прогорели, и языки пламени лишь изредка поднимались над углями, тянулись к туше, медленно поворачивающейся на вертеле.

Надо сказать, что при жизни бывлой владелец туши никак не мог считаться симпатичной зверюшкой, – весьма напоминал крысу, отчего-то выросшую до размеров пятимесячного подсвинка. Но люди, нетерпеливо ожидавшие трапезы, предпочли считать иначе: над огнем истекает жиром именно подсвинок, по странному капризу природы появившийся на свет без копыт, с вытянутой крысиной мордой вместо пяточка и с раздвоенным на конце голым крысиным хвостом. Тем более что запах от жаркого доносился вполне аппетитный.

Было их, собравшихся у костра, общим счетом одиннадцать, – число, как все знают, угодное Пресветлому Сегтеру и приносящее удачу.

Неизвестно, насколько одобрительно взирал Пресветлый из небесных чертогов на компанию, пытавшуюся угодить ему своей численностью. Но удачей явно не баловал. Одежду ночных посидельцев можно было назвать лохмотьями, не особо погрешив против истины. Оружие, имевшееся у каждого, – плохонькое, собранное с бору по сосенке. И любой одинокий путешественник трижды бы подумал, получив предложение разделить ночлег и ужин с такими людьми. Подумал – и отказался бы, ибо по всем признакам были они шакалами больших дорог, живущими впроголодь: не способными на дерзкое нападение, на стычку с охраной купеческого каравана, – но при том весьма опасными для одиноких и слабых.

Лезвие ножа блеснуло в отблеске костра – узкое и принявшее от многолетнего общения с точильным камнем серповидную форму. Один из шакалов, самый непоседливый, потыкал ножом тушу, радостно объявил:

– Доспело, однакось! Будите Хулгу!

Собравшиеся оживились, подвигаясь поближе к жаркому. А заодно наградили несколькими тычками здоровенное и бесформенное *нечто*, громко храпевшее чуть в стороне. Нечто на тычки не отреагировало, храпело как храпело.

– Пушкой шпит! Шамим больше доштанетшя! – прошамкал другой бродяга, чьи канувшие в никуда зубы наверняка могли бы поведать немало скорбных историй о неприятных знакомствах с кулаками и иными твердыми предметами.

Шепелявый, похоже, считался здесь за главного, невзирая на дефекты речи, – остальные немедленно послушались и прекратили попытки растолкать Хулгу.

Следующие минуты были наполнены чавканьем, хрустом разгрызаемых мелких косточек и тому подобными звуками, отнюдь не ласкающими ухо. О застольном этикете почтеннейшая компания никогда не слышала, а слышала бы – не поверила.

Главарь оказался единственным, кто пользовался неким подобием столового прибора – кривым ножом-засапожником. Не от излишка воспитанности, разумеется, но ввиду отсутствия передних зубов: маленькие кусочки мяса шепелявому приходилось не откусывать, а срезать, и насыщался он дольше всех.

Наконец шепелявый сыто рыгнул, швырнул в костер очищенную берцовую кость свинокрыса и извлек из-за спины просмоленный бурдюк. Приложился долгим глотком, затем крикнул, вытер рукавом губы и пустил емкость по кругу.

Питье вполне соответствовало пище – гнусная пародия на вино, безбожно разведенная винным зельем. Но собравшихся у костра сей нектар вполне устраивал...

– Щас бы бабу еще... – мечтательно произнес один из шакалов – молодой, безбородый, с неприятно косящим глазом. – Послал бы сейчас Пресветлый Сеггер нам бабу, хошь бы и одну на всех, – и вышло нам бы полное щастье и благолепие...

Он блаженно откинулся назад, рука машинально теребила мотню штанов – словно Пресветлый и впрямь мог слышать, внять и послать косоглазому и его друзьям бабу. Хошь бы и одну на всех.

– Не шпеши, – утешил главарь. – Горшы в штепь шпущтятся – будут те и бабы, и фше будет...

В разговор вступили остальные – и реплики их в основном сводились к тому, какая пожива ждет шакалов в оставшихся без защиты селеньях йордлингов – когда все воины под предводительством йорд-каана Балеога уйдут через Заргейский перевал в набег на аккенийские окраины...

Любой, решивший подслушать беседу и хоть немного знакомый с обычаями йордлингов, удивился бы. Да, варвары, пасущие свои стада в долинах и на горных лугах, не держат ни регулярной армии, ни наемной, – все они народ-войско, каждый с раннего детства приучается сидеть в боевом седле, владеть мечом и луком. Да, и в набег, и на защиту своих рубежей мужчины выступают все как один, – и в этом сила относительно немногочисленных горных племен, позволяющая им много десятилетий отстаивать в неприкосновенности свои рубежи...

Но даже если все взрослые мужчины уйдут в поход – оставленные ими селенья беззащитными назвать трудно. Женщины йордлингов знакомы с ратным делом не понаслышке, да и дети-подростки, хоть и не способны сойтись с жестокой сече со взрослыми воинами, но вполне могут засыпать врага градом метким стрел... Банде, насчитывающей чуть больше десятка головорезов, трудно было надеяться на успех в своей затее.

Либо возле обглоданных останков свинокрыса собрались дураки, спешащие навстречу верной гибели, либо... Либо они рассчитывали на что-то еще, кроме собственных сил. На чью-то помощь.

* * *

Неожиданный звук раздался в темноте – конский топот. Оборванцы немедленно схватились за оружие. Времена стояли такие, что трудно было ожидать чего-либо хорошего от всадников, рыскающих в ночи. Могла пожаловать на огонек другая банда, более многочисленная и не жалуемая конкурентов. Да и летучие отряды гвардии Туллена нещадно преследовали любителей легкой наживы, забираясь для того порой даже в пустыню и предгорья...

Но нет, до слуха грабителей доносились звонкие удары о камень лишь четырех копыт. Одинокий всадник приближался к костру. Одинокий и очень неосмотрительный, надо сказать...

Шепелявый, не тратя лишних слов, сделал быстрый жест рукой. Свои роли в подобных случаях члены шайки знали давно и хорошо – тут же скользнули в темноту, расходясь в разные стороны, готовые напасть на неосторожного путника сразу с нескольких направлений. У костра остались лишь двое: юнец, мечтавший о бабе, и шепелявый главарь. Да еще похрапывало чуть в стороне огромное *нечто*, именуемое Хулгу.

Вожак грабителей подкинул в костер охапку сухих сучьев, дабы подсветить место грядущих событий. И уселся в нарочито мирной, расслабленной позе, прикрыв дерюгой лежавший рядом кистень – старый, выдавший разные виды и отправивший в небесные чертоги немало одиноких путников.

Невидимый пока конь с медленной рыси перешел на шаг. Еще несколько мгновений – и всадник стал виден в круге неверного света.

– Баба... – еле слышно ахнул юнец. – Как есть натуральная баба...

Что уж тут говорить – внял, внял Пресветлый Сеггер искренней молитве, идущей если и не прямиком от сердца, то уж всяко от части организма, не менее важной для юноши...

Хотя обратиться к всаднице со словом «баба» едва ли кто-нибудь бы рискнул, по крайней мере в ином месте и в иное время. Скорее подобало бы обращение к ней «благородная сайрис», как говорят в Туллене и Аккении, либо же «каанум», как йордлинги называют дочерей своих самых могущественных и знатных родов.

Молодая, высокая и стройная, уверенно и непринужденно сидящая в мужском седле. Совсем непохожая на здешних горянок: кожа белоснежная, глаза огромные, вовсе не те щелочки, сквозь какие взирают на мир женщины йордлингов. И красивая... Ну до чего же красивая!

Впрочем, шепелявый главарь красотой наездницы не восхитился. В голове его словно бы зашелкали купеческие счеты, складывая грядущий барыш: конь – чистокровный тулленский жеребец преизрядных статей – две сотни флорианов. Роскошная, серебром отделанная упряжь – еще полсотни. Диадема, украшающая голову всадницы – сотня, самое малое, а может и подороже, смотря что за камешки в ней поблескивают. Одежда, вся вместе... с этим сложнее, трудно найти в здешних диких местах достойного покупателя... но если повезет, три десятка серебряных кругляшей с профилем императора Флориана выручить можно. Да и кошель, какой ни есть, при дамочке найдется. Станет ли подобная фифа отправляться в путь, не запасшись хотя бы сотней монет? Шепелявый решил, что никак не станет.

Общий итог получался весьма приятственный, побольше даже, чем от разграбленного селенья йордлингов, живут те небогато... Повезло так уж повезло. О том, что выкуп за пленницу благородного происхождения может составить куда большую сумму, бандит не стал задумываться. Становится кровными врагами какого-нибудь могущественного семейства себе дороже. Нет уж, пусть ребята натешатся, наиграются, пуская красотку по кругу, пока не надоест. А потом можно продать ее куда-нибудь подальше, в бордель самого низкого разбора – там каждая вторая шлюха плетет небылицы, будто была когда-то принцессой, да кто ж им, шлюхам, верит...

Оружия у всадницы не видно. Жаль, конечно, какая-нибудь дамская сабелька, золотом да камнями отделанная, хорошо бы пополнила грядущую выручку... Ну да ладно. Может, и к лучшему, – нет оружия, так и не вздумает отбиваться. Не помогла бы ей, конечно, ни сабелька, ни что иное, но все же меньше риска попортить товар.

Меж тем одинокая путешественница подъехала почти вплотную к костру, не подозревая о поджидающей ее весьма незавидной судьбе.

Главарь поднялся, кряхтя и изображая себя куда более старым и немощным, чем был на деле. Юнец тоже оказался на ногах, не сводя взгляда с наездницы и подрагивая от нетерпеливого вождения. Хулгу продолжал (продолжала? продолжало?) храпеть.

– Шлежайте ш коня, милоштлифая гошпожа, – подобострастно заговорил шепелявый. – Не поберегуйте передохнуть на нашем шкромном бифаке и раждеделить наш шкромный ужин!

И шагнул вперед, готовый придержать стремя. Он твердо решил ломать комедию и не подавать сигнал к нападению до тех пор, пока всадница не спешится. А не то еще даст нагайки своему скакуну, и придется снимать с седла метательным ножом или дротиком.

А жеребец, надо сказать, явно обладал большим чувством самосохранения, чем его хозяйка: всхрапнул, дернул шеей, – и зубы его клацнули в опасной близости от руки главаря. Тот испуганно отпрянул от стремени и словно невзначай оказался рядом с дерюгой, прикрывавшей кистень.

Женщина не обратила внимания на выходку коня и не спешила покинуть седло. Спросила надменно:

– Кто вы, люди, разводящие костры в ночи и предлагающие мне отужинать аррухом?

Она кивнула на обглоданный остов свинокрыса. Ни тени издевки в словах ночной наездницы не прозвучало, но все же шепелявый почувствовал себя глубоко уязвленным. И решил: милостивый вариант судьбы будущей пленницы – дешевый бордель – отменяется. Он сменяет ее на что-нибудь банде бродячих троллей, а не сговорится, так попросту подарит, с троллями дружить полезно. А у зеленых чешуйчатых громил мужское хозяйство размеров устрашающих, прямо-таки убийственных для любой женщины. И ночь с изголодавшимися по любовным ласкам троллями переживет редкая пленница, да и та истечет на следующий день кровью...

Однако скрывать свое имя главарь не видел причин. Пусть знает, кого проклинать, умирая.

– Жовут меня Бо-Жаир, милоштлифая гошпожа. Шкромный паломник Бо-Жаир.

Всадница перевела взгляд на юнца. А у того, похоже, язык прилип к гортани, – довольно странно перед лицом той, кого юнцу предстояло в самом ближайшем будущем грабить и насиловать.

– Н-ну... дык... – выдавил наконец юноша и ничего более внятного так и не произнес.

Бо-Жаир (а может быть, и Бо-Заир, делая скидку на дефекты речи) не пришел на помощь своему засмущавшемуся подручному. Сказал, указывая на громадную похрапывающую кучу:

– А это, милоштлифая гошпожа, Хулгу. Шущество на фид штрашное, но нефиннее ребенка.

– Вы странствуете втроем на одиннадцати лошадях, скромный паломник Бо-Жаир, невинное существо Хулгу и юноша Нудык?

Вопрос всадницы прозвучал прежним тоном, вроде как и не несущим издевки. И вновь показался шепелявому главарю донельзя оскорбительным.

Изящная, отделанная серебром нагайка указала туда, где в отдалении были стреножены лошади бандитов. На сжимавших нагайку пальцах блеснули перстни, наверняка немалой цены, но Бо-Жаир не приплюсовал их стоимость к итогу своих счетоводческих выкладок. Бандита все сильнее захлестывала волна злобы. И в самом деле, что за ерунда: баба шляется в ночи одна, как последняя потаскуха, а вопросы задает, словно королева в тронном зале!

За растущим раздражением главарь не обратил внимание на интересный момент: приехала всадница совсем с другой стороны, однако же как-то сумела не только разглядеть во мраке бандитских лошадей, но и сосчитать их. Либо женщина видела в темноте лучше любой кошки, либо... Впрочем, даже о первом «либо» шепелявый не задумался.

– Шлежайте ш коня, милоштлифая гошпожа, – повторил он свое приглашение несколько более настойчиво и сгорбился в низком подобострастном поклоне. – Пришажифайтесь, и ошщашлифте нас фашим благородным именем, ешли желаете, и пошлушайте шкорбную нашу ишторию, и ночь жа рашшкажом пролетит быштрее.

Пальцы его отогнули край дерюги и коснулись рукояти кистеня. Не спешится сейчас добром – ссадит одним молниеносным ударом. Не беда, удовлетворить любовный пыл рыцарей большой дороги можно и с парой сломанных косточек, все равно долго не заживется.

Но всадница не успела ни покинуть седло, ни ответить отказом, а бандит не успел нанести свой фирменный удар, коим по праву гордился... События, разворачивающиеся до тех пор неторопливо и размеренно, замелькали вдруг с едва уловимой скоростью.

* * *

Конец игре в мирных паломников положил непоседливый и озабоченный юноша, только что получивший от всадницы прозвище «Нудык». Снедаемый нетерпением, он воспользовался тем, что внимание женщины оказалось отвлечено разговором с главарем, – и бочком, крохотными незаметными шажками, подобрался так, что норовистый жеребец не смог бы ни укусить, ни лягнуть задними копытами.

И прыгнул! План Нудыка был незамысловат: ухватить женщину за одежду, да и стянуть с седла. Сколько ж можно разговоры разговаривать? Пятую неделю без бабы тоскуют...

Он прыгнул, и тут же рухнул на землю, ухватившись руками за лицо. Нагайка рассекла воздух, а затем и щеку Нудыка. Удар получился не хуже доброго сабельного: между пальцев юноши струилась кровь, и струилась весьма обильно.

Главарь не присматривался к тому, что происходит с незадачливым подручным. Его кистень взметнулся было в воздух, но тут же безвольно повис, – вместе с рукой, стиснувшей рукоять. Бо-Жаир зашипел от боли и злобы, увидев серебристую метательную звездочку, глубоко вонзившуюся в его предплечье.

Но бандит прожил долгую жизнь, и повидал многие виды, и вышел живым из многих переделок, пусть и потеряв в одной из них все свои передние зубы. Он мгновенно перехватил кистень левой рукой и издал длинный пронзительный свист – сигнал для остальных своих сообщников.

Впрочем, те и сами увидели, как оборачивается дело, – и уже ринулись со всех сторон без всякого сигнала.

Еще две метательных звездочки прошли полумрак, и у двоих нападавших сразу поубавилось прыти. Вжиу! – вновь рассекла воздух нагайка, и не только лишь воздух: еще один бандит выронил рогатину и волчком завертелся на месте.

И все же они наверняка задавили бы числом одинокую всадницу, даже самый искусный воин не сможет отразить многочисленные атаки, направленные одновременно со всех сторон. Задавили бы, но...

Но всадница оказалась отнюдь не одинокой. Новые верховые выскакивали из мрака – многочисленные и похожие на серых бесшумных призраков: морды коней плотно обернуты тряпками, а копыта – толстым войлоком, по обычаю йордлингов, желающих скрытно подобраться верхами к врагу.

Засвистели дротики, и взметнулись арканы, и дико заорал похотливый юноша Нудык, поднявшийся было, но тут же сбитый ударом палицы-пернача прямо в пламя костра.

Закончилось все быстро. Почти закончилось – из бандитов на ногах и при оружии остался лишь Бо-Жаир. Рана, нанесенная метательной звездочкой, зацепила артерию – кровь пропитала рукав, обильно струилась на землю, и вместе с ней быстро вытекали последние силы. Главарь едва стоял, со всех сторон его окружали конные враги и направленное на него оружие. И лишь повелительный жест ночной наездницы удержал йордлингов от того, чтобы тут же не прикончить или не пленить последнего грабителя.

– Я осчастливорю тебя своим благородным именем, скромный паломник Бо-Жаир, – произнесла женщина так, словно за последние две минуты ровным счетом ничего не произошло. –

Не знаю, правда, каким... Эти люди зовут меня Дочерью Снегов. А ты можешь звать проще – своей смертью.

Она повернулась к йордлингам, махнула нагайкой.

– Свяжите его! И посмотрите, что за странную вечно спящую тварь они возят с собой!

Главарь завопил, и истошный вопль его наверняка был слышен за несколько лиг:

– Й-о-о-о-о-гэй!!!

То не был крик боли либо отчаяния, как могло показаться. Бандит попытался использовать свой последний шанс.

Громадная бесформенная куча, именуемая Хулгу, пришла в движение. И тут же стало ясно, на что рассчитывала шайка, планируя авантюрный рейд по селеньям йордлингов.

Глава вторая

Величайший воин под небесами

Если бы какой-нибудь маг, специализирующийся на выведении новых пород боевых животных, вдохновился бы вдруг бредовой идеей скрестить болотного тролля с гигантской ракатицей, обитавшей в безднах ныне высохших морей Лаара и способной, по слухам, топить своими щупальцами рыбацьи суденышки, – наверное, в итоге магических экспериментов получилось бы существо, весьма напоминающее Хулгу.

Но вполне может быть, что к появлению на свет Хулгу магия не имела никакого отношения, и стал он капризом природы, мутантом, каких особенно много появилось после Катаклизма.

Верхние конечности Хулгу своим строением отдаленно напоминали человеческие, но пропорции их частей были невероятно искажены: плечи и предплечья очень короткие, но толстые и мускулистые, зато кисти... Кисти Хулгу являли собой зрелище невообразимое. На обеих, как и положено, по пять пальцев, но каких! Невероятно длинные и гибкие, невероятно развитые, с огромным количеством суставов, – они скорее напоминали щупальца. Каждое свое щупальце Хулгу использовал как самостоятельную конечность, причем использовал в боевых целях, – один палец сжимал, обвивая, двусторонний топор-лабрис, другой стиснул обломок кавалерийского копья, в третьем поблескивал непонятный клинок, зазубренный на манер пилы... В общем, каждый палец держал какое-то свое оружие.

Если тому, что заменяло Хулгу руки, еще можно было найти аналоги в человеческом организме, то остальные части тела мутанта даже отдаленно не напоминали людские.

Высота Хулгу в полтора раза превышала человеческий рост. Головы как таковой не было, а если и была, то никак не выделялась из туловища. Большую часть этого головотуловища прикрывал не то природный панцирь, как у крабов, не то раковина. Неприкрытые же участки оказались густо залиты пузырящейся слизью, не позволяющей увидеть, имеются ли у существа глаза, уши, нос... Порой среди слизи на миг приоткрывался какой-то провал, но был ли то беззубый рот или нечто иное, разглядеть не удавалось.

А вот ног Хулгу совершенно точно не имел – ни ног, ни лап, ни чего-либо другого, служащего для ходьбы и бега. Опирался, подобно улитке, на одну большую подошву, слизистую и мягкую. И передвигался, надо полагать, тоже как упомянутый слизень, – не слишком-то быстро.

Но сегодня мутанту не пришлось гоняться за врагами, они сами навалились на него со всех сторон. Потеряв несколько человек от ударов, которые Хулгу щедро раздавал во все стороны своим многочисленным оружием, йордлинги быстро оправались от первоначального шока. Вновь пустили в ход дротики и арканы, держась на расстоянии и стараясь не попадать под разящую сталь, направляемую пальцами-щупальцами.

Однако дротики отскакивали, не в силах пробить не то панцирь, не то раковину, а если и вонзались в мягкую, не защищенную часть существа, то некоторое время торчали, не причиняя видимого вреда, затем выпадали, – и края раны тут же смыкались, срастались. Выступившую кровь, если таковая имелась у Хулгу, скрывал все тот же толстый слой слизи.

Арканы же... не много толку от аркана, если у твари нет шеи, на которую его можно накинуть. Порой сплетенная из конского волоса петля захлестывалась вокруг одного из пальцев-щупальцев, но ее тут же рассекало оружие, сжатое в другом.

Схватка застыла в неустойчивом равновесии. Существо казалось неуязвимым, но и само не могло дотянуться до противников, держащихся на расстоянии.

– Й-о-о-о-о-гэй, Хулгу!!! Й-о-о-о-о-гэй!!! – вопил шепелявый, не переставая.

Неизвестно, были или нет у мутанта уши, но отчаянный призыв бандитского главаря он чем-то услышал. И тут же доказал, что все, посчитавшие, будто длиннопалое чудище не способно к быстрому передвижению, – жестоко ошибались.

Хулгу как-то осел, стал значительно ниже, втянув под раковину мясистую подошву-основание. И в следующий миг взвился в воздух!

Одним прыжком преодолел никак не менее двадцати локтей, приземлившись с сырым чавканьем в самую гущу врагов.

Дико заржала сбитая с ног лошадь. Люди падали на землю, сраженные беспощадными ударами. Кое-кто отступил, иные пытались отбиться, но без успеха, – никакая воинская выучка, никакое блестящее владение оружием не помогут, когда десять длинных, неимоверно гибких щупальцев со всех сторон тычут в тебя смертоносными остриями.

Вскоре вокруг Хулгу опять образовалось пустое пространство, усыпанное убитыми и ранеными. И он вновь начал оседать, втягивать подошву-основание.

– Назад! – перекрыл шум схватки громкий голос Дочери Снегов. – Все назад! Я справлюсь с ним!

Йордлинги послушались мгновенно.

Дочь Снегов стояла, протянув обе руки в сторону Хулгу. И вокруг вытянутых рук ее разгоралось алое сияние, поначалу едва заметное, но с каждым мгновением набиравшее силу. Вскоре стало видно, что это сверкает, светится кристалл, сжатый в пальцах ночной всадницы. Губы женщины беззвучно шевелились.

Хулгу промедлил с новым прыжком, словно предчувствуя какой-то подвох. Издал нечто среднее между булькающим хрипением и тем храпом, которым недавно услаждал слух компании, ужинавшей свинокрысом. Затем вновь втянул подошву, собираясь-таки прыгнуть – похоже, напрямиком на главную свою противницу.

Не успел...

Сияние кристалла стало совсем уж ярким, нестерпимым для глаз. Потом с него сорвалась беззвучная синяя молния и понеслась к владельцу чудовищных пальцев, на лету ветвясь, рассыпаясь на множество молний поменьше.

Словно бы сплетенная из синего огня сеть охватила Хулгу. Существо и думать забыло об атаке, даже если могло и умело думать. Не прыгнуло – тяжело рухнуло на землю, пальцы-щупальца выпустили оружие и яростно извивались, с корнем вырывая небольшие чахлые кустики.

Долго сопротивляться силе заклинания чудовище не сумело. Движения щупальцев замедлялись, слабели. Вскоре Хулгу замер, опрокинувшись навзничь – живой, но не способный шевельнуться, спеленутый в синий искрящийся и потрескивающий кокон.

– Сделайте для него волокушу, – приказала Дочь Снегов. – Хочу разобраться, сможет ли тварь пригодиться для чего-нибудь полезного.

* * *

Бо-Жаир не увидел финала схватки – обессилел от потери крови и рухнул на землю в полуобморочном состоянии, а затем и вовсе лишился сознания.

Очнулся он связанным и лежащим неподалеку от того места, где шайка ужинала и строила свои великие планы. Прошло не так уж много времени – звезды и луны по-прежнему сияли на небе, даже не начавшем светлеть на востоке.

Неподалеку лежал Нудык и еще двое бандитов – тоже опутанные веревками. Остальные, надо полагать, могли уже не страшиться сурового суда йордлингов, представ перед другим, высшим судьей...

Рана Бо-Жаира больше не кровоточила, перевязанная небрежно, но достаточно туго. Однако же ничего хорошего в том не было, ибо йордлинги славились большой изобретательностью в деле придумывания самых мучительных казней для взятых в плен врагов.

Но ничего предпринять для своего спасения главарь разгромленной шайки не мог, не мог даже пожаловаться на судьбу связанным сообщникам – рот оказался плотно заткнут кляпом. Оставалось только лежать, смотреть и слушать.

А посмотреть было на что...

Новые и новые отряды конных воинов появлялись в свете костра, получившего свежую порцию топлива и пылавшего высоким ярким пламенем. Сотня за сотней двигались в походном строю с гор в сторону равнины. Бо-Жаир понял, что он и его шайка стали жертвами провокации, хитро распущенного ложного слуха: войско йордлингов под водительством Балеога не ушло через Заргейский перевал в набег на Аккению. Шли они здесь и сейчас, настоящую цель похода шепелявый не мог определить, да и не особо озадачивался этим вопросом.

Ясно, что столь масштабный обман затеяли не ради горстки бандитов. Те, на чьи богатства и жизни нацелились горцы, до самого момента нападения должны оставаться в блаженном неведении... Но Бо-Жаиру от этого было ничуть не легче. Ему хотелось выть, ему хотелось грызть в бешенстве землю, – кляп не позволял ни того, ни другого.

А вон тот высокий, статный мужчина, одетый куда роскошнее прочих всадников и разговаривающий с Дочерью Снегов, – не сам ли йорд-каан Балеог? Очень похоже на то... Оружие, богато изукрашенное драгоценными камнями, золотая цепь на шее... Свита из людей на вид важных, однако же взирающих на мужчину с явным подбострастием... Он и есть, Балеог, верховный предводитель союза четырех горных племен.

О чем разговаривал владыка йордлингов с Дочерью Снегов, Бо-Жаир расслышать не смог.

* * *

– Тейя, госпожа моя, – говорил Балеог (это и в самом деле был он), – вы неоправданно рисковали. Разведчики сами справились бы и с бандитами, и с их чудищем. Потеряли бы еще десяток-другой – но что значат их ничтожные жизни в сравнении с вашей бесценной для меня особой?!

– Что сделано, то сделано, господин мой Балеог, – ответила Дочь Снегов, носившая, как выяснилось, еще и имя Тейя. – Грабители повержены, а разведчики не раз пригодятся вам в опасном походе. Теперь же я хочу сказать вам то, что не должны услышать ничьи больше уши.

Йорд-каан немедленно сделал знак свите, и та отъехала подальше, за пределы слышимости. Точно так же знатные йордлинги исполнили бы приказ и Тейи, обрученной невесты своего владыки, – авторитет Дочери Снегов среди горцев был огромен. Но пока что она не позволяла себе отдавать подобные распоряжения, когда рядом находился Балеог. Но чтобы править народом, не обязательно громогласно командовать подданными, – достаточно управлять их повелителем, не так ли? Эту простую истину Тейя понимала очень хорошо.

Она вынула из седельной сумы небольшой, перевитый шелковым шнуром свиток, протянула йорд-каану:

– Мы с мудрейшим иль-Заахом составили список из семи оазисов, границы которых ни при каких условиях вы, господин мой Балеог, не должны пересечь с обнаженным мечом. Ни при каких! Там живут наши преданные союзники, либо те, кто может стать таким союзником в самое ближайшее время. И станет, если мы не допустим непродуманных действий.

Балеог кивнул, убирая свиток в самое надежное для горца место – за пазуху. Дочь Снегов продолжала:

– Владения магноса Сандивилла в Кандии также должны остаться в неприкосновенности.

Причину такого благоволения к владетельному магносу с варварским именем, о котором до сего момента владыка йордлингов и слыхом не слыхивал, Дочь Снегов объяснить не стала. А Балеог не стал спрашивать. Лишь вновь кивнул, уже несколько более нетерпеливо. Ему не терпелось в набег. Бешеная скачка по степи, ветер в лицо, в ужасе разбегающиеся враги, пылающие дома и богатая добыча, – что может быть лучше для настоящего мужчины?

Тем более для него, для великого воина и искуснейшего полководца обитаемой части мира... Ныне, когда герой прошлой войны Хигарт опустился, стал презираемым бродягой, кабацким вышибалой, променивающим былую славу на чарку дешевого вина и миску гнусной похлебки, – кто еще может оспорить у Балеога эти титулы?! Никто. И нынешний великий поход еще раз всем покажет, кто первый герой Лаара!

Тейа продолжала свою речь, не замечая нетерпение йорд-каана. Вернее, делая вид, что не замечает.

– И последнее, господин мой Балеог. Очень прошу вас: не забудьте о просьбе лорда-регента Адриана. Не мне вам объяснять, насколько важны для нас хорошие отношения с Тулленом.

Балеог лишь махнул рукой: не надо, мол, никаких объяснений. Довольно слов – в поход, в поход!

Дочь Снегов прикусила губу, постаравшись сделать это незаметно. Мальчишка... Громадный, мускулистый, повесивший на шею цепь йорд-каана. Но все равно ребенок. Как бы она хотела быть рядом с Балеогом в начинавшемся походе... Увы, некоторые стародавние обычаи йордлингов даже ей нарушить не под силу. Пока не под силу... Мужчины идут в набег, женщины остаются дома, – и всё, точка, обсуждению не подлежит. Женщина в походном порядке горцев может оказаться в одном лишь случае: если она пленница, полонянка, связанная и перекинутая через седло.

Остается лишь надеяться, что Балеог сумеет не наделать ошибок... А о том, что список из семи оазисов перекочевал в свиток прямоком из письма, полученного Дочерью Снегов от светлейшего епископа Хильдиса Коота, иерарха Церкви Сеггера и члена королевского совета Туллена, – йорд-каану знать вовсе не обязательно. Он и не узнает.

Балеог выдержал паузу, и, видя, что его невеста не желает больше ничего добавить, произнес веско:

– Все будет исполнено в точности, госпожа моя Тейа. Какой казни прикажете придать ваших пленников?

– Моих? – удивленно подняла брови Дочь Снегов. – Разве не владыка йордлингов, и только он, властен над жизнью и смертью пришедших с оружием в горы Йордхейма? Прикажитесь, господин мой Балеог, и пусть свершится все по воле вашей!

Пусть, пусть... Пусть потешится, пусть лишний раз почувствует себя владыкой, грозным йорд-кааном.

Балеог сделал свите знак приблизиться и громогласно возвестил, подъезжая к связанным пленным:

– Оскопите их! Отрезать губы, носы и уши! А затем увезти в разные стороны и превратить в пограничные столбы, для острастки прочим шакалам, дерзающим покушаться на наши земли!

Услышав слова владыки, Бо-Жаир изогнулся и со всего размаха ударился головой о сухую твердую землю, пытаясь оглушить себя, потерять сознание. Не получилось.

Спустя час у погасшего костра никого не осталось. Войско ушло за славой и добычей, Тейа же с немногочисленной охраной вернулась в неприступную горную крепость Йорд-Кале, служившую столицей Союзу четырех племен, – править страной в отсутствие жениха. Туда же отправили плененного Хулгу.

А несколько легкоконных разъездов поскакали к рубежам Страны йордлингов, увозя уцелевших бандитов, – спеша исполнить повеление Балеога и затем догнать главные силы.

Глава третья

Небольшая братская просьба

Вырвавшись из горных долин на простор степи, конница йордлингов устремилась на юг двумя потоками.

Балеог, мысленно именуя себя величайшим воином под небесами, – хвастался и привирал, без сомнения, но не так уж сильно.

Он и самом деле был умелым и могучим бойцом, и мало кто из сошедшихся с ним в поединке оставался жив, и никто из выживших не мог похвалиться одержанной победой... По праву считался йорд-каан и отличным командиром, умело и успешно руководящим конницей горцев. Но, увы, как стратег и тем более как политик особой дальновидностью Балеог не отличался. Зато отличался склонностью пограбить соседей, как ближних, так и дальних, – Страна йордлингов ничем не богата, разве что пастбищами, не иссушенными Катаклизмом.

Расставшись с Дочерью Снегов, Балеог почувствовал себя гораздо свободнее. Скажи кто-нибудь йорд-каану, что он попросту побаивается своей невесты, – результатом стал бы сильнейший гнев владыки, и дерзкий язык вполне мог расстаться со своим законным владельцем. Однако же на деле все обстояло именно так, пусть Балеог никогда бы и не признал того, даже мысленно.

Он искренне любил Тейу. Глубоко уважал – за многое, в том числе и за то, что в хитросплетениях большой политики, всегда смущавших Балеога, та чувствовала себя как рыба в воде. Но побаивался. Случается такое, и даже с великими воинами.

По крайней мере, все последние указания невесты йорд-каан честно собирался исполнить. Запретные оазисы конница йордлингов обойдет стороной, как бы ни манили тамошние богатства. И подданные неведомого магноса Сандивилла могут спать спокойно. И просьбу лорда-регента Адрелиана Балеог постарается исполнить.

Хотя просьба, надо признать, не совсем обычная... И удовлетворить желание лорда-регента будет ох как не просто...

* * *

Упомянутая просьба прозвучала месяц назад, когда йорд-каан посетил с дружественным визитом Туллен.

В деле присутствовала одна тонкость: Балеог не являлся вассалом Тулленской короны, гордые йордлинги вообще никогда не признавали над собой чужих сюзеренов, даже в лучшие времена единой империи.

Балеог считался союзником лорда-регента Адрелиана, однако же на деле союз получался далеко не равноправный, – кое в чем йордлинги сильно зависели от Туллена. А именно: скотоводство, главное занятие горных кочевников, в основном состояло в разведении коров и овец. Лошади в горах водились мелкие. Неприхотливые, конечно, способные пройти с тяжелым грузом по узенькой тропинке по-над горной кручей, и умеющие добыть корм из под снега, завалявшего горный луг... Но для дальних походов, для скачек в несколько десятков лиг лошадки йордлингов никак не годились. Лучших скакунов разводили в Степи, и поставлял их горцам как раз Туллен.

Ну и понятно, на кого приходилось ориентироваться Балеогу во внешней политике.

...Принимали его в Туллене с почестями, по высшему разряду. После того, как были скреплены подписями и печатями все заключенные договора, состоялся пир – официальный, чопорный, на котором Балеог, привыкший к куда более вольным пирушкам, поначалу чувство-

вал себя не в своей тарелке. Но виду не подавал, великому воителю не к лицу, а затем приналег на выдержанные тулленские вина и все наладилось.

После окончания застолья лорд-регент пригласил «венценосного брата» побеседовать наедине, в небольшой комнатке, примыкавшей к пиршественному залу.

Долгих вступительных слов АдРЕЛИАН говорить не стал, поведал сразу по большому секрету: у него проблемы. Безвластье в Туллене опасно для будущего страны, и он решил короноваться. Но есть загвоздка: нужна супруга. Дети нужны, династия... Понятное дело, требуется равная по положению жена – даже если усадить рядом с собой на трон какую-то из нынешних смазливых наложниц, в будущем права детей от нее легко и просто оспорят. Многие владетельные сайэры поглядывают на пустующий тулленский престол с вожделием. Покамест он, АдРЕЛИАН, крепко держит их в руках, но ничто не вечно под небесами, и он не вечен. Короче, нужна невеста. Невеста королевских кровей.

Услышав, в чем проблема, йорд-каан приосанился, перебирая в мыслях своих незамужних сестер. Но, едва обмолвился о них, получил жестокий афронт: чином не вышли горские принцессы для тулленского престола. Ничего подобного АдРЕЛИАН, разумеется, вслух не произнес. Очень вежливо, но непреклонно объяснил: Балеог не наследственный монарх, но всего лишь предводитель, избранный Советом родов. С точки зрения династического права брак с его сестрой ничем не отличается от брака с дочерью какого-нибудь тулленского владетельного сайэра.

Аккения, продолжил АдРЕЛИАН, тоже отпадает по понятным причинам...

Балеог покивал с умным видом, хотя сам этих причин, хоть убей, не понимал. Один народ, один язык, единые вера и обычаи, – и при этом две страны, Туллен и Аккения. Долго ли сойтись АдРЕЛИАНУ в честном поединке с аккенийским императором, да и выяснить, кому из них владеть объединенной державой? Именно так сошелся отец Балеога с Хайзой, вождем снорлингов, – двадцать лет назад, когда только начал складываться союз горных племен... Но тулленцы не понимают очевидных вещей и разводят непонятные интриги... Дикий народ, одним словом.

Лорд-регент продолжал: рассматривалась и возможность брака с эльфийской принцессой. Конечно, потомство от нее станет бесплодным уже в следующем поколении, равно как и от принцесс прочих нелюдских рас, зато наследник будет отличаться редкостным, недостижимым для людей долголетием. Но... В общем, не сторонник он, АдРЕЛИАН, межрасовых связей... Не то чтобы лорд-регент расист, но... Короче, не пойдет.

И если не принимать в расчет урлогских болотных князьков и их пованивающих тинной дочек, то единственный реальный вариант – Кандия. Все-таки вполне легитимное королевство, и не маленькое. Но тут он, АдРЕЛИАН, увы, не компетентен. Понятия даже не имеет, кто там сейчас на троне и как у него с семейным положением. Все давние связи порушил Катаклизм, будь он не ладен. Посольствами с тех пор не обменивались, не до того было, да и тулленские торговые караваны через южные пустыни ныне почти не ходят.

Так что вся надежда на венценосного брата Балеога. (Эк запел, подумал венценосный брат, а сестры мои, значит, чином не вышли?!). Он, лорд-регент, знает, что йордлинги нередко бывают в Кандии, пусть чаще с мечом, чем с торговлей, но все-таки... Если венценосный брат посодержит сосватать принцессу королевских кровей, то уж он, лорд-регент, найдет, чем отблагодарить.

Балеога кандийцы и в самом деле хорошо знали. Можно сказать, знали как облупленного. И, попадись йорд-каан им в руки, – речь, мысленно скаламбурил горец, шла бы отнюдь не о руке принцессы. Лишь о его собственной шее – перерубить ее палаческой секирой или намылить петельку... Или, того хуже, не о шее – о заднице, кандийцы и на кол посадить не побрезгуют... Какие уж там брачные переговоры – прискакал, порубил, забрал, что смог, – и уноси ноги.

Но виду Балеог не подал. Наоборот, ответил весьма хвастливо: да у меня, говорит, эти кандийцы по струнке ходят, глупые южные лежебоки; едва моя славная конница на горизонте появляется – на коленках из домов выползают, с дарами на золотых блюдах: всё, мол, забирай, только живота не лишай. Надо принцессу – сделаю! Две надо, три – нет проблем! Да хоть королеву-мать в золотой клетке привезу, пусть гости на пирах в нее обглоданными костями швыряют! Несколько последних чарок доброго тулленского вина явно оказались лишними для йорд-каана...

Мать – не надо, строго сказал малопьющий лорд, а насчет принцессы договорились. Субсидиями на поход обеспечим, не поскупимся.

Утром было похмелье, и понимание: обещанное надо исполнять. Хоть тресни, а принцессу раздобудь...

* * *

Незадолго до рассвета войско йордлингов вышло к оазису Зэй-Боали – первому в редкой цепочке селений, пересекавших пустыню Дзара. Всадники не казались измотанными долгим ночным переходом: горец при нужде без затей дремлет в седле под мерную иноходь коня.

Балеог, честно исполняя обещанное, развернул полученный от невесты свиток – нет, Зэй-Боали в списке не подлежащих нападению мест не значился. И йорд-каан отдал команду на атаку.

Получилась она совершенно неожиданной для мирно спящего оазиса. Да и от кого стеречься? Многие лиги раскаленного бесплодного камня охраняют лучше высоких крепостных стен, никакое войско не начнет переход через пустыню без тщательной подготовки, о которой тут же узнают жители оазисов, куда как чутко внимающие подобным известиям... Знали они и том, что Балеог, извечный их супостат и притеснитель, двинулся в набег на Аккению. План Дочери Снегов – а распространение ложного слуха затеяла именно она – сработал без осечки.

И проснулись обитатели Зэй-Боали, лишь когда всадники йорд-каана, смяв малочисленную стражу, скакали по улицам и врывались в дома.

Сопrotивления ошеломленные жители практически не оказали. Балеог, жаждавший схваток и подвигов, не расстроился, – поход только начинается, и свое он наверстает.

Грабили торопливо, но не жадно, – брали лишь деньги и драгоценности, которые не успели припрятать едва проснувшиеся хозяева. Путь впереди долгий, ни к чему раньше срока утомлять коней тяжелой поклажей.

В общем и целом оазис Зэй-Боали отделался сравнительно легко. Обывателей, не рискнувших вступить в схватку – то есть почти всех – не тронули, дома не подожгли. Зачем? Рачительный хозяин никогда не зарежет овцу, которую не раз еще будет стричь. Когда жители оазиса оправятся от убытков, можно будет пожаловать в гости снова.

Довольный Балеог смотрел, как на расстеленном перед ним белом войлоке растет кучка золота, серебра и самоцветов – пятая часть добычи, доля йорд-каана.

* * *

А в это время в ста двадцати лигах к северо-востоку умирал неудачливый грабитель Бо-Жаир. Умирал и никак не мог умереть, хотя очень старался. Он извивался всем своим связанным телом, пытаясь сделать так, чтобы кол, измазанный кровью и калом, вошел как можно дальше, пробил ему сердце или другой жизненно важный орган.

Напрасные старания. Горцы понимали толк в казнях и не позволяли врагам погибать чересчур быстро. К вкопанному в землю колу, терзающему внутренности Бо-Жаира, была

приколочена небольшая перекладина, – и бандит, как ни старался, не мог насадить себя еще глубже.

Три гурха-стервятника обосновались неподалеку. Змеиными глазами – не мигающими, с узким вертикальным зрачком – внимательно наблюдали, как мучается человек, скалящийся в вечной усмешке провал рта, лишившегося губ.

Кляп у Бо-Жаира вынули, и он кричал на гурхов, пытаясь отогнать. Мысль, что его плоть подкрепят силы гнусные стервятники, вызывала у шепелявого отвращение. Хотя, казалось бы, теперь-то уж какая разница...

Гурхи не улетали. Порой переступали на несколько шагов, волоча по земле широкие кожистые крылья, – и вновь терпеливо ждали.

Позже, когда безжалостное светило поднялось в зенит, и обожженная кожа Бо-Жаира покрылась волдырями, лопающимися и причиняющими нестерпимые муки, он уже сам стал призывать стервятников: не ждите же, налетайте, пустите в ход свои усеянные мелкими острыми зубами клювы, – и пусть всё хотя бы так, но закончится.

Призывы умирающего пропали втуне, на живых гурхи никогда не нападали.

А потом – спустя века, спустя тысячелетия, наполненные безумной болью, – солнце начало клониться к закату, и Бо-Жаир пришел в ужас. Неужели этот день так и не прикончит его, и предстоит мучительная ночь в ожидании новой пытки беспощадным солнцем?

Он мечтал потерять сознание, провалиться в благодатную тьму беспамятства и умереть, не приходя в себя. Пустые мечты... Он бредил, он уже не мог различить реальность от видений, порожденных закипающим на солнце мозгом, но все же оставался в сознании. И каждой клеткой своего существа ощущал дикую боль.

...Громкое хлопанье крыльев заставило Бо-Жаира с трудом разлепить веки, склеившиеся от гноя. Гурхи-стервятники улетели, словно отчаявшись дожидаться, когда же умрет живучий страдалец.

Смеркалось, и смеркалось как-то странно. Солнце уже исчезло, но тьма наползала отчего-то не с запада, а с севера. Непроглядная, клубящаяся темнота приближалась сплошной стеной, как порой приближается в поле утренний туман. И это была не просто тьма, которая, как известно, всего лишь отсутствие света. К месту казни пришла не ночь. Пришло нечто иное.

Глупо умирающему бояться чего-либо или кого-либо. Но Бо-Жаир испугался. Казалось, что во тьме таится нечто настолько страшное, гнусное, мерзкое, что встреча с *этим* окажется куда хуже казни на колу. Кол, в конце концов, убивал только тело...

Шепелявый бандит никогда не усердствовал в вере, но все-таки надеялся, что его душа не умрет вместе со своей истерзанной оболочкой... Больше Бо-Жаиру надеяться было не на что.

А подступившая тьма – непонятно как, но он чувствовал это совершенно точно – грозила пожрать именно душу.

Непроглядная, угольно-черная стена замкнулась кольцом, окружив крохотный островок с вкопанным в центре колом. Бо-Жаир не мог видеть, но чувствовал – там, во тьме, и в самом деле кто-то есть. Он ощущал движение, ощущал взгляды, направленные на него со всех сторон, и они жгли кожу сильнее, чем недавний мучитель – беспощадное полуденное солнце.

Он закрыл глаза, он не хотел видеть, что с ним сейчас произойдет...

Последнее, что почувствовал бандит – леденящий холод, отчего-то не принесший ни малейшего облегчения сожженной коже. А затем Бо-Жаира поглотила Тьма. Настоящая Тьма, а не то благодатное черное ничто, о котором он недавно мечтал.

Глава четвертая

Суровые жители Йохаллы и веселые порядки Кандии

В природе, как утверждают ученые мужи, ничто не исчезает бесследно. И, соответственно, ничто не появляется ниоткуда. Если какой-нибудь маг решит за обедом удивить и порадовать своих гостей, произнесет заклинание, и на столе появится покрытая паутиной бутылка вина двадцатилетней выдержки, – значит, где-то разгневанный хозяин винного погреба обнаружит исчезновение драгоценного напитка, и будет проклинать последними словами прощелыг-магов, вечно норовящих промочить глотку на дармовщинку, и призывать на их головы небесные кары богов и земные – Святейшей инквизиции...

Не исчезло бесследно и громадное количество воды – ее многие миллионы кубических лиг, заполнявшие до Катаклизма моря и океаны Лаара. Вода собралась на юге, собралась в виде огромных ледников, громоздящихся, словно сверкающие на солнце белые горы. Ледяной панцирь в несколько лиг толщиной покрыл землю на огромных пространствах и схоронил многие ранее обитаемые земли. Мало кто рискнул попытаться пересечь студёные просторы, а рискнувшие – не возвращались. И неизвестно, где заканчиваются ледники, остались ли за ними пригодные для обитания места и спаслись ли в Катаклизме обитатели тех мест...

Но вода, даже замерзшая, – это жизнь. Жаркие ветры, дующие из пустыни, облизывают края ледяных глыб, и ручейки талой воды бегут на равнину, собираются в небольшие речки и орошают длинную, но относительно узкую полосу плодородных земель, протянувшуюся вдоль границы ледников.

На той полосе и расположилось королевство Кандия, отделенное от всего обитаемого мира труднопроходимыми пустынями и сильно отличающееся от остальных уцелевших держав Лаара.

Ледники тают и постепенно отступают – в иной год на полсотни шагов, в другой, более жаркий, и на всю сотню. Оптимисты уверены, что когда-то весь лед растает, и Лаар, как и прежде, зазеленеет нивами и лесами, садами и пастбищами... И ждать того осталось не так уж и долго, каких-нибудь десять тысяч лет, – и все вернется на круги своя. Но покамест количество плодородных земель в Кандии не прибывает: с другой стороны, с севера, примерно с той же скоростью наступает пустыня.

Владетельные магнаты, коим принадлежат те земли, живут между собой не особенно дружно, зачастую решая мечом спорные вопросы, и объединяются только в случае нападений внешнего врага, – но немногие враги рискуют пересекать бесплодную пустыню. А сильной королевской власти, способной приструнить дворянскую вольницу, нет, – корона Кандии не наследственная, после смерти короля магнаты собираются на сейм и выбирают промеж собой нового владыку, причем обычно не из самых богатых и могущественных, дабы не усиливались чрезмерно и без того сильные семейства. И получается, что у иных магнатов и казна больше, и войско многочисленнее, чем у их номинального сюзерена.

Однако, как правильно заметил лорд-регент Адриелиан, король есть король, и супружеский союз с его дочерью поможет основать вполне легитимную династию.

Йорд-каан Балеог рассчитывал, что сумеет выполнить свое опрометчивое обещание не слишком дорогой ценой. На мирные переговоры о браке, конечно же, нечего и надеяться. Не та здесь у йордлингов репутация... А вот захватить силой королевскую дочку особого труда не составит. Коронное войско Кандии – смех один, несколько сотен наемников. А пока еще магнаты сговорятся и объединят свои сильные дружины... кони йордлингов к тому времени будут уже скакать к родным горам.

План йорд-каана был незамысловат, но именно оттого вполне мог удалиться, – пытаюсь разыгрывать хитроумные комбинации, Балеог куда чаще попадал впросак. Но уже в Йохалле,

последнем оазисе на пути в Кандию, стало ясно: выполнить просьбу лорда-регента нет никаких возможностей.

* * *

Йохаллу окружала крепостная стена, достаточно толстая и высокая, – Кандия неподалеку, в двух дневных переходах, а кандийские магносы весьма охочи до чужих богатств. Стена была не каменная, глинобитная, и едва ли долго бы выстояла под ударами таранов. Но тащить осадную технику через пустыню – задача не из простых, а на месте соорудить таран не из чего, вся растительность внутри оазиса, вокруг – бесплодная каменистая равнина. А живой таран – громадный морраг – способен, конечно, крушить стены и башни своим исполинским рогом, но воды ему для водопоя надо не меньше, чем нескольким полкам конницы. Эти гиганты и в степи сейчас стали куда как редки...

И местные жители, успевшие получить весть о походе Балеога, держались настороже и рассчитывали отсидеться за своими укреплениями. Тем более что в нынешнем набеге йордлинги пересекали пустыню, нигде не задерживаясь, и лишь пробовали по пути на прочность попадающиеся оазисы, – где удавалось, грабили, где получали отпор – откатывались и шли дальше...

Йохаллинцы подготовились к обороне. Был объявлен сбор ополчения: земледельцы и ремесленники получили в арсенале пики, шлемы, кожаные нагрудники, обшитые железные бляхами, разбились на десятки и сотни, провели смотр... Более зажиточные жители явились на службу со своим оружием и верхом на боевых верблюдах.

По ночам единственные ворота Йохаллы, крепко запертые, охраняла утроенная стража, днем – удвоенная. Во все стороны разъехались верховые дозоры, готовые предупредить о приближающейся войске йордлингов.

Прошел день, второй, третий – бунчуки Балеога не появлялись на горизонте. Йорд-каан предпочел обойти оазис стороной, узнав о его готовности к нападению? Йохаллинцы надеялись именно на это, ибо надеяться всегда хочется на лучшее. Но неплохо было бы получить подтверждение, что угроза и в самом деле миновала.

Поэтому первый же вопрос, который задали сторожившие ворота караульные прибывшим на четвертый день тревоги караванщикам, был: где войско йорд-каана?

– Разве сторож я этому нечестивцу?! – риторически спросил старшина каравана, невысокий рыжеватый эрладиец. – Ай-ай-ай, из-за таких вот бродячих псов честные торговцы не знают покоя на дорогах, клянусь Семью Царями! Люди говорят, что нечестивый йордлинг грабит сейчас Кандию, и пусть-таки его там изловят, и пусть посадят на кол, и пусть он будет умирать долго-долго, и пусть мальчишки кидают в него камни и верблюжий навоз!

Стражники согласно кивали, столь незавидная судьба йорд-каана их вполне устраивала. Приехавшие торговцы улыбались словам своего караван-баши, и лишь его помощник, начальствующий над охранниками, – здоровенный детина, до самых глаз заросший черной густой бородой, – недовольно хмурился. Наверное, считал, что неплохо бы для начала все-таки захватить Балеога, а уж потом обсуждать варианты его позорной казни.

– А теперь, о почтеннейшие стражи ворот, – сказал старшина, – откройте же ворота, и дозвольте нам попасть внутрь, и напоить-таки животных, и дать отдых людям, и предложить наши товары, лучшие под небесами, клянусь Семью Царями!

– Конечно же, почтеннейший, – начальник стражи сделал знак, и створки ворот медленно поползли в стороны. – Заплатите въездную пошлину – три рэнда с человека, два с лошади или верблюда, половину рэнда с любой иной скотины – и проезжайте, и отдыхайте на здоровье, и торгуйте с прибылью.

Конечно же, эрладиец не был бы эрладийцем, если бы так просто, за здорово живешь, согласился бы сразу отдать запрошенную сумму. Он призывал всех известных и давно позабытых богов засвидетельствовать тот факт, что со времен падения Уорлогского Зиккурата нет, не было и не будет на свете людей более жадных, чем мытари Йохаллы. И требовать за въезд в нее такие деньги – просто преступление, куда хуже Талаарской резни, таки да. Тридцать рэндов – и по рукам?

Главный стражник остался непоколебим: не нравится – разбивайте бивак снаружи, на раскаленном камне, и пейте привезенную с собой воду. И сами с собой торгуйте. Он махнул рукой подчиненным: запирайте, дескать, ворота.

Караван-баши ухватил его за рукав, и, стеноя, что собственными руками вырывает хлеб изо рта своих детей, набавил цену аж на целых пять рэндов. И деловые переговоры вступили в новый цикл.

Торговались долго, до хрипоты. Трижды начальник делал вид, что приказывает запереть ворота, трижды старшина накидывал предлагаемую плату. Под конец торг шел уже за каждого человека, за каждое животное. Двенадцатилетнего мальчишку утомленный стражник согласился учесть за половинку человека и удовлетворился платой за него в полтора рэнда; две овцы, предназначенные для трапезы караванщиков, были немедленно зарезаны и перешли в категорию товара, не облагаемого пошлиной... Вроде бы дело шло к любовному соглашению, но тут караван-баши заявил, что лошадь, способная нести куда меньше груза, чем верблюд, ну никак не может оцениваться в ту же сумму.

И все началось снова.

Стражники, собравшиеся поначалу вокруг каравана, заскучили от нескончаемых препирательств. И помаленьку потянулись с солнцепека в прохладную караулку. Остались лишь двое у створок ворот, причем уже перестали реагировать на указующие взмахи руки начальника...

Однако и караванщиков, похоже, жара донимала не меньше. Чернобородый детина потянул старшину за рукав, что-то шепнул на ухо. Эрладиец шмякнул оземь круглую войлочную шапочку, в очередной раз оплакал тяжкую судьбу своих умирающих с голоду детей, – и согласился-таки заплатить последние спорные монеты.

Начальник караула облегченно вздохнул, глядя, как старшина полез в объемистую суму за деньгами... вздохнул и рухнул на землю, заскреб ногами, щедро орошая кровью придорожную пыль. Потому что вместо монет эрладиец вытащил узкий, похожий на шило нож, – и молниеносным, точно рассчитанным ударом вогнал его в артерию начальника караула, туда, где под бармицей, откинутой из-за жары, белела полоска незащищенной кожи. Затем лжекараванщик сильным толчком швырнул на землю стражника, не позволив кровавой струе попасть на себя.

Двое йохаллинцев, стоявших у створок ворот, умерли прежде, чем сообразили, что происходит. А вдали, в нескольких лигах, над гребнем кургана уже появилась темная движущаяся масса – многочисленные конники, галопом несущиеся к оазису.

Над головой раздался громкий трубный звук – в небольшой надвратной башенке дозорный дул в сигнальный рог, побагровев от натуги. Долго не протрубил – стрела, выпущенная одним из «охранников каравана», пробила кожаный нагрудник.

Однако в Йохалле, жившей в последние дни настороже, немедленно поднялась тревога. Необходимо было удержать ворота до подхода основных сил.

– Вперед! – гаркнул чернобородый детина, взмахнув секирой. Ухватил себя за бороду, сорвал, отбросил в сторону, – и, о чудо! – обернулся йорд-кааном Балеогом.

Воины – и те, что изображали торговцев, и те, что выступали в роли охранников – поспешили в ворота, бросив снаружи животных и грузы.

С остальными стражниками рубиться не пришлось. Два десятка здоровенных мужчин вывел из строя щуплый мальчишка – тот самый, которого покойный начальник караула

неосмотрительно сосчитал за половинку человека. Вывел очень просто: незаметно проскользнул внутрь, да и подпихнул под дверь караулки небольшой клин из твердого дерева.

Стража оказалась в ловушке: дверь при попытке ее распахнуть сдвинулась на ладонь и встала намертво. Караульные, ругаясь, пытались снести дверь с петель и пробовали на прочность решетки, затянувшие узкие окна. Напрасный труд, строили караулку на совесть.

Воины йорд-каана, не обращая внимания на вопли запертых, быстро соорудили у распахнутых ворот импровизированную баррикаду: опрокинули арбу водовоза, в неудачный для себя час прикатившего сюда, добавили к ней бочки с водой, подперли массивным брусом, служившим для ворот засовом.

Очень вовремя – по узким улочкам Йохаллы уже грохотали копытами боевые верблюды с всадниками, с ног до головы закованными в железо. Сзади, поотстав, спешили пехотинцы-ополченцы.

Первый натиск оказался страшен. Казалось, громадные животные, не сбавляя аллюра, разнесут сейчас хлипкое укрепление, растопчут людей шипастыми подковами, и всадникам даже не придется пускать в ход двуручные мечи...

* * *

Но йордлинги выстояли, выдержали стремительный удар. Всадники все же не стали бросать горбатых скакунов на преграду, над которой сверкали острия копий и мечей, – зашли с флангов, баррикада не полностью перекрывала узкую улочку, ведущую к воротам.

Звон оружия, стоны раненых, храп разгоряченных верблюдов... Верховые йохаллинцы оказались настоящими мастерами боя, и превосходили числом кучку храбрецов, захвативших ворота. Но горцы теряли людей, однако же не отступали, упрямо цепляясь за свое укрепление. Всадникам никак не удавалось отеснить их от баррикады, чтобы зайти со всех сторон и сполна использовать численное преимущество. Вот рухнул один верблюд, забил в агонии длинными ногами, – и к пытающемуся подняться наезднику тут же подскочили двое йордлингов, награждая ударами чеканов, способных пробить любые латы. Вот другой корабль пустыни поспешил прочь от схватки – а владелец его скорчился в седле, и кровь обильно сочилась через стыки доспехов...

Без сомнения, в конце концов превосходство в числе и оружии сделало бы свое дело, тем более что к воротам приближались пехотинцы, готовые внести свою лепту в резню. Но тут на опрокинутую арбу вскочил йорд-каан Балеог. Застыл на мгновение – в окровавленных доспехах, с окровавленной секирой, – точно статуя бога-воителя. И с оглушительным боевым кличем ринулся вниз, на всадников, сгрудившихся перед баррикадой и не участвовавших пока в схватке. Ринулся, казалось бы, на верную гибель: один на три десятка.

Но нет, в тесной свалке верблюжьих кавалеристы не могли толком развернуться со своими громадными мечами, а секира Балеога разила без пощады и без промаха.

Доспехи, скованные лучшими кузнецами пустыни, не выдерживали страшных ударов йорд-каана; покалеченные верблюды бились на земле в агонии. Сам Балеог казался неуязвимым.

Очень скоро вокруг него образовалось очищенное от врагов пространство, лишь заваленное телами убитых и их скакунов. И на то пространство вступил, спешившись, один из йохаллинцев, на голову выше остальных и куда шире в плечах, – судя по роскошным доспехам, изукрашенным золотой насечкой, был он предводителем всадников. Или, по меньшей мере, сильнейшим и славнейшим воином.

Обычно такие схватки один на один предваряются словесными поединками: бойцы сообщают свои имена и повествуют о заслугах, безбожно хвастая и привирая. А также оскорбляют противника, стараясь вывести его из себя, заставить совершить ошибку...

Ныне ничего подобного не прозвучало. Йохаллинец хорошо понимал – время работает против него, надо как можно быстрее убить главаря врагов, затем смять его оставшихся без командира приспешников, отбить и запереть ворота... И закованный в металл богатырь немедленно шагнул вперед, взмахнув двуручным мечом.

Удар, способный развалить человека пополам, лишь высек искры из лезвия секиры Балеога. Удар, удар, и еще один, и еще... Быстрые, неуловимые глазом, они обрушивались с разных сторон, порой совершенно неожиданных... Йохаллинец управлялся со своим тяжелым оружием легко, словно мальчишка с прутиком. Казалось, никто не сможет устоять перед этим вихрем разящей стали. Но каждый раз меч наталкивался на секиру йорд-каана.

А затем произошло нечто, толком никем не увиденное... Но сверкающий вихрь исчез, воин оазиса застыл неподвижно, и оплечье его доспеха оказалось искорежено и вмято. Левая рука йохаллинца бессильно свисала вдоль тела, а мгновением спустя кровь показалась на сочленении наручи и латной перчатки, закапала на землю все обильней и обильней...

Йорд-каан не стал уподобляться гурху-стервятнику и выжидать, когда противник обессилеет окончательно. Тут же горец прыгнул вперед и показал, что его секира может ничуть не хуже изобразить стальной вихрь.

Как выяснилось, йохаллинец – силач из силачей – даже одной рукой мог управиться с двуручником, почти не замедляя движений. Но лишь почти... Пара ложных выпадов позволила Балеогу нащупать брешь в защите противника. Взмах – и шлем-арме, украшенный султаном из выкрашенного в алый цвет конского волоса, покатился по земле. Вместе с головой, разумеется.

Воины оазиса не впали в панику, лишившись предводителя. Двинулись на Балеога всей массой – смять, раздавить верблюдами, не считаясь с потерями. Не успели – главное войско йордлингов пришло на помощь передовому отряду. Сразу за ворота горцы не сунулись, – здесь, в тесноте, теперь уже им не помогло бы превосходство в числе.

Воины гор полезли на стену, о защите которой йохаллинцы в пылу схватки совсем позабыли: забрасывали на зубцы веревки с крюками, ловко, как кошки, карабкались наверх, скидывали новые веревки оставшимся внизу сотоварищам... Очень скоро и надвратную башенку, и гребень стены на четверть лиги в ту и другую сторону захватили лучники йордлингов. И немедленно обрушили вниз град стрел – как раз в этот момент их владыка победным ударом завершил поединок.

Всадники, возможно, и выдержали бы этот смертоносный ливень – не так-то легко пробить добротный скованный доспех стрелой из лука. Не выдержали их верблюды – израненные животные с громким ревом поскакали назад, сминая и калеча подоспевших пехотинцев.

И уж затем на расчищенную улочку хлынули из-за ворот конные сотни йордлингов, догоняя и рубя убежавших.

Битва за Йохаллу на том закончилась, и жителям ее, сообразившим это в горячке боя, оставалось лишь сдаться, надеясь на снисхождение победителей. Ну а не сообразившим... если враг не сдастся, его уничтожают.

В это время мощная дверь караулки, сотрясаемая изнутри ударами дубовых скамей, наконец-таки рухнула! Опозорившиеся стражники гурьбой полезли наружу, но, увидев, чем обернулось дело, бросали к ногам оружие и поднимали руки...

* * *

В поверженной Йохалле йорд-каан узнал неприятную новость: в Кандии, оказывается, сейчас безвластие. Междуцарствие.

Старый король Загелло три с лишним месяца назад покинул своих подданных, оправившись к престолу небесного владыки держать ответ за свои земные дела. А нового короля еще

не выбрали. Насколько знал Балеог заведенные в Кандии порядки, процесс выборов грозил затянуться на год, а то и подолее.

Выборы короля – самое веселое время для многих малоземельных и нищих магносов. И самое доходное. Дело в том, что по стародавнему обычаю король должен быть избран на сейме магносов единогласно. Хоть один голос против, и кандидат не проходит. А второй раз претендовать на корону нельзя.

Понятное дело, что голосование предваряется многочисленными интригами, возникают и тут же рушатся союзы и коалиции магносов, порой доходит дело и до открытых схваток между их дружинами. Мелкие магносы, живущие впроголодь и на корону претендовать не способные, стараются продать свои голоса подороже – за деньги, за земельные участки, за всевозможные привилегии и за выгодные браки для своих подтошальных дочерей.

Наконец, вдоволь поинтриговав и намахавшись саблями, вдоволь испив горячительных напитков на примирительных пирах, участники сейма останавливали свой выбор на каком-нибудь кандидате. Обычно не на самом богатом и влиятельном, да и не на молоденьком, – чтобы правление излишне не затянулось и вновь пришло бы веселое время междуцарствия.

Впрочем, изредка одному из самых могущественных магносов удавалось собрать войско, способное справиться с объединившимися дружинами ближних и дальних соседей, – и тогда ему путь к короне прокладывали не звонкие монеты, но мечи и копья. И Кандия на какое-то время получала сильного, всерьез правящего монарха. Но даже таким королям не удавалось положить конец дворянской вольнице и основать прочную династию.

Загрустив от известий, Балеог поинтересовался у плененных йохаллинцев: не осталось ли, часом, у покойного короля Загелло дочерей?

Были дочери, что ж не быть... Целых четыре, но все давно замужем, да и в годах дамочки, лет через пять уже внучки королевские в брачный возраст вступят.

Внучки йорд-каана не интересовали, не та степень родства. И он понял, что выполнить просьбу лорда Адрелиана не удастся, по крайней мере в этом походе. Через годик можно попробовать наведаться снова, авось магносы до чего-либо договорятся... Но без гарантий.

Печалился владыка йордлингов недолго. В конце концов, проблемы Адрелиана – это всего лишь проблемы Адрелиана. Субсидии на нынешний поход получены – деньгами, оружием, но в основном лошадьми – и обратно их лорд-регент уже не вернет. Уважительная, что ни говори, причина! На нет и суда нет, даже монархи под Творцом ходят... Не каждое сватовство успехом завершается... Через год, кстати, новые субсидии попросить можно под ту же самую затею. А пока что эти отработать – но исключительно в свою пользу. Веселое время настало в Кандии, говорите? Ну так конница йордлингов добавит веселья!

Решив так, Балеог вернулся в хорошее расположение духа, и даже затребовал с плененных старейшин Йохаллы чуть меньший выкуп за их жизни, чем собирался поначалу.

А затем, вспомнив кое-что, йорд-каан вытянул нагайкой фальшивого караван-баши, тоже отлепившего заплетенную в косички бороду и сейчас мало напоминавшего эрладийца. Не слишком сильно, впрочем, вытянул.

– За что, мой каан?! – возопил бывший эрладиец.

– За нечестивого пса, которого ты предлагал натянуть на кол и забросать верблюжьем навозом, – наставительно произнес Балеог. – Почтительность к владыке надо сохранять, даже когда лицедействуешь перед лицом врага!

...Наутро конница йордлингов покинула разграбленный оазис. Отряды уходили под неумолчный стук кирок – йохаллинцы заканчивали ночные труды по уничтожению своей крепостной стены... Не все уцелевшие, конечно же, но одни лишь мужчины. Для женщин в минувшую ночь нашлась чуть менее обременительная повинность, хоть далеко и не порадовавшая их отцов и законных мужей.

Глава пятая

Люди гибнут за металл

Грабить Кандию – дело для йордлингов знакомое и привычное. Все слабые и сильные стороны противника давно изучены, и давно найдены наиболее успешные способы и захватить богатую добычу, и сберечь свою шею.

Главное – быстрота. Если соберутся владетельные магносы, если сведут в одно войско своих конных панцирников – быть беде, не устоять легковооруженным всадникам-горцам под ударом лучших кавалеристов Юга. Ну, допустим, лучшими они сами себя называют, а у каждого народа на сей счет собственное мнение имеется, однако факт есть факт: не устоять.

И Балеог, едва пересек границу, немедленно разделил своих наездников, поскакали конные отряды по магноратам и имениям, благо кандийское войско всегда долго выступить на бой собирается, а уж сейчас, при безвластье-то и смуте... А когда со всех сторон тревожные вести сыплются: и тут йордлинги напали, и там, и там еще, и за соседним лесом их уже видели, – тут еще и не враз сообразишь, где беду отражать, куда войска стягивать. Да и не каждый магнос в поход поспешит, имение оставив, – когда на него в любой момент горцы наскочить могут...

Для себя, для своего отряда, йорд-каан выбрал особо лакомую добычу. Началось с малого: захватили горцы на переходе обоз, нагруженный странным товаром – тридцать возов свинца в тяжелых чухках, и ничего больше. По четверо здоровенных быков едва те возы тащат, груз неподъемный.

Балеог призадумался: куда столько? Кому? Сельским халупам свинцовая кровля не по чину, а тут двадцать замков перекрыть можно, и желоба водосточные свинцовые приделать – все равно еще немало останется. Загадка, тайна. А зачастую чужие тайны хорошей поживой пахнут – для того, кто их сумеет разведать.

С обозом трое купцов шли, эрладийцы, – настоящие эрладийцы, не фальшивые. Отец с сыном, да их компаньон. Запирались те купцы недолго, едва палач походный инвентарь свой разложил, да иголки подногтевые на костерке калить начал, – соловьями запели торговцы, все выложили.

Дескать, неподалеку один магнос обитает: Иеремиус, князь Сандирский. Не из бедных, денег куры не клюют, но и затраты у него немаленькие – на трон нынче метит, дело это не дешевое, безземельные магносы от выборов до выборов чуть не с сумой ходят, но нынче их час – голос свой за гроши не продадут.

Это Балеог и без того знал, но свинец-то тут при чем? Фальшивой монетой князь голоса оплачивать собрался?

Не совсем... Сиятельный магнос, дескать, мага-алхимика пригласил, золото варить из свинца. Настоящий маг, из ордена Тоа-Дан, не колдунишка какой-нибудь деревенский! И варят ведь! Третий обоз уж такой в замок к Иеремиусу едет, свинцом груженный! Быть князю Сандира королем, по всему видно.

Балеог призадумался. Если два раза по тридцать возов свинца в золото уже превратили, то это... То это ж Хаос знает какая прорва золота! Если не врут купцы, жизни свои спасая, конечно.

Сомневался и колебался Балеог недолго. Отряд, на-а-а-а конь! Купцов с собой, и в гости к магносу Иеремиусу. Пресветлый Сеггер заповедал делиться...

Поскакали.

* * *

Ночь опустилась на Кандию – тревожная, беспокойная. Где-то в отдалении лизали черное небо языки пожаров, проносились по дорогам отряды конницы, и не разглядеть было во тьме – своей или чужой, и мирные кандийские обитатели, зарыв и припрятав самые ценные вещи, ложились спать настороже, не раздеваясь, в любую минуту готовые услышать под окнами грохот копыт незваных гостей...

Но отряд йорд-каана двигался на Сандир скрытно, не предавая огню и мечу встречные городки и деревни, монастыри и имения. Наоборот, обходили их стороной, осторожничали, дабы не встревожить раньше времени магноса Иеремиуса. И без того, наверное, богатство свое охраняет с превеликим тщанием и драться за него будет до последнего.

На дневку остановились в густом еловом лесу, Кандия богата дубравами и борами. Огонь не разводили, воины позавтракали узкими полосками вяленого мяса, горцы в походе непривычны. Кони же, полученные из Туллена, не отличались, увы, способностью своих горных сородичей везде и всюду отыскать пропитание, и даже не пытались подкрепиться мхом и скудно растущими лесными травами. Пришлось скормить им неприкосновенный запас, – зерно, что горцы везли в седельных сумках подменных лошадей. Ладно хоть воды оказалось вдоволь, журчали здесь многочисленные ручейки, холодные, аж зубы ломило после первого же глотка...

...Выспавшись, йорд-каан вышел из своего шатра. Лишь для него везли йордлинги это походное жилище, остальной отряд похрапывал на пышном, словно перина, мху, расположившись в самых живописных позах.

Солнце клонилось к западу, но до выступления было еще далеко. Неслышно ступая по мягкому лесному ковру, Балеог отправился осмотреть караулы. Не то чтобы он не доверял своим воинам, но проверить лишний раз не помешает. Разве мало великих героев, непобедимых в открытом бою, погибали, проявив беспечность на биваке? Для уснувших на посту йордлинги знали лишь одно наказание: ломали хребет и оставляли умирать. Прощтрафившиеся извивались, подобно раздавленным дождевым червям, пока не приходили ночные хищники и не избавляли их от мучений.

Но сегодня прибегать к суровым мерам не пришлось, часовые несли службу исправно, – и те, что стояли во внешнем охранении, и те, что сторожили купцов-эрладийцев.

Балеог вернулся к шатру, послушал птичий хор, распевавший свои песни где-то высоко, на верхних ветвях елей, – не разглядеть пернатых певцов, даже задрал голову. И не понять, предупреждают ли птицы о подкрадывающейся, пока не обнаружившей себя опасности, или, наоборот, докладывают: всё в порядке, спите спокойно...

Йорд-каан плохо знал и не любил лес. Деревья, деревья, деревья... тоска. А из-за любого дерева может прилететь предательская стрела, зачастую отравленная, – и не помогут никакие доблесть и геройство. И жители лесов вполне соответствуют местам, избранным для обитания, – подлые и трусливые. Что эльфы, что друиды, что людские племена, таящиеся в лесах Кронга. Хуже их только мокрые и коварные насельники болот – там, небось, и людей-то настоящих не найдешь, у каждого течет в жилах примесь тролличьей или орковской крови.

В горах же – простор, и ярость дикой природы, – но ярость открытая и честная, а не ползучая, не змеиная, как в лесах и болотах. Ну и люди гор, конечно, не сравнятся с лесовиками да болотниками... Орлы!

А самый могучий из тех орлов – он, йорд-каан Балеог... Причем очень скоро может стать еще и самым богатым среди правителей Лаара. Ха, да зазнайка-Адрелиан за честь почтет посвататься к сестре йорд-каана! Да не обломится, уж припомнит ему «венценосный брат» тот разговор после пиршества...

Фантазия горного орла воспарила вполне по-орлиному: виделась Балеогу уже и вновь отстроенная крепость Йорд-Кале, превратившаяся в роскошный город, в настоящую столицу, и бесчисленные отряды наемников, нанятые на алхимическое золото, и победоносный поход на Темную сторону – под предводительством, естественно, его, йорд-каана... И благодарные народы Лаара, венчающие чело Балеога короной императора всего мира...

А затем фантазия йорд-каана – упорхнувшая в самые выси, чуть ли не к чертогам Пресветлого Сеггера, – столкнулась с одним простым вопросом, убийственным, как стрела охотника. И подломился полет, и сложились гордые крылья, и вернулся будущий император всея Лаара с небес на грешную землю, в еловый бор неподалеку от княжества Сандир.

Вопрос был вот какой: если все так просто – купи свинца, найми мага-алхимика, да и вари себе золото в любых потребных количествах – почему никто из владык не пользуется таким способом? Душат народ налогами, грабят земли соседей, а вот чтобы кто-то казну алхимией пополнял, не слышно...

И поговорка одна вспомнилась Балеогу очень кстати: пока, дескать, алхимик крупицу золота добудет, – мешок серебра изведет.

Терзать себя сомнениями Балеог не любил. И в алхимии ничего не понимал, равно как и в прочих науках, – да и ни к чему владыке-то, для того советники имеются.

Пробежавшись взглядом по спящим воинам, он обнаружил то, что искал: синюю мантию, расшитую серебром. Надо сказать, что узор, изображавший затейливо сплетенные семилучевые звезды, потерял большую часть бывшего блеска, да и само одеяние выглядело весьма потасканным. Под мантией похрапывал человек – невеликого росточка, но с большой бородой, седой и окладистой.

– Вставай-ка, кудесник, любимец богов, – растолкал Балеог спящего. – Светлейший йорд-каан желает выслушать твой мудрый совет.

* * *

Обладатель седой окладистой бороды и прожженной у походных костров мантии звался Монредом. Сколько себя помнил Балеог, кудесник всегда присутствовал сначала при ставке его отца, а затем и нынешнего йорд-каана. Когда и при каких обстоятельствах он туда прибился, как вообще попал в Йордхейм, никто уж и не помнил. Толку особого от смешного старика в синей мантии не было, но и вреда никакого, зато свой чародей при дворе, не хуже, чем у прочих...

Надо сказать, что сильным чародеем Монред считаться никак не мог, даже в старые добрые времена, предшествующие Катаклизму, когда магия не достигла нынешних высот. Владел кое-какими заклинаниями, предсказывал будущее по звездам, по внутренностям животных и по особенностям полета птиц и гурхов-стервятников, – иногда удачно, иногда не очень. Неоднократно, после совсем уж провальных предсказаний, бывал бит кнутом и изгоняем, однако же всякий раз возвращался, – лучше такой кудесник, чем совсем никакого. Тем более что в походах помощь Монреда была незаменима: сам он боевой магией не владел, но чужую распознавал безошибочно и мог разрушить большую часть творимых враждебными магами заклинаний.

– Ну что, кудесник, – спросил йорд-каан с насмешкой, хоть и с доброжелательной, – что говорят тебе звезды, и пути птиц в небе, и форма кучек конского помета о нынешнем походе? Удастся ли свершить нечто такое, о чем будут долго складывать песни и легенды?

– Кучки конского помета говорят лишь об одном, мой каан: зерно, которым утром накормили коней, оказалось слишком пересушенным. А вот расположение звезд и светил указывает, что в походе встретится много трудностей и неожиданностей, но в главном он завершится удачей, и лорд-регент Адриелиан обретет желанную невесту.

Балеог вздохнул. Он испытывал к старому кудеснику немалую слабость, и в его правление сводить новое знакомство с кнутом Монреду не доводилось. И, похоже, старик начал этим пользоваться... Две недели назад, призванный для совета, он говорил то же самое про звезды, удачу и невесту для Адрелиана. Теперь все изменилось, но кудесник до сих пор упрямо гнет свою линию. А Йорд-каан надеялся услышать нечто совсем иное: что в нынешнем походе его поджидает небывалое, прямо-таки баснословное богатство.

– Звезды могут ошибаться, – сказал Балеог. – Или, что вернее, ошибаются люди, толкующие их расположение. Ошибаются и упорствуют в своих ошибках. Ну, как ты упорствовал, предсказывая моему отцу смерть от любимого коня, – даже когда тот конь был отправлен подальше от Йорд-Кале, на самые удаленные пастбища.

– Но звезды и тогда не ошиблись, мой каан! – вскричал кудесник. – Палица той особой формы, что положила конец жизни вашего любимого отца, да будет сладостен покой его в небесных чертогах, на языке древних жителей степи как раз именовалась «кан-а-заил», что значит в переводе: голова рыжей лошади! И это почти созвучно «каан-зил» – то есть «смерть владыки» на языке йордлингов!

Йорд-каан удивился:

– Ну надо же... Что же ты, любимец богов, не сказал о том моей матушке, светлейшей Олдинай-каанум, когда она приказала всыпать тебе горячих за ложное предсказание?

– Увы, я и сам узнал это недавно, мой каан, – удрученно ответил любимец богов, непривольным жестом потянувшись к спине и к тому, что находится несколько ниже. – Узнал из старинного свитка, спасенного мною в Йохалле от пламени пожара!

– Ладно... – проворчал Балеог, от острого взгляда которого не укрылся жест кудесника. – Зачтется за будущие грехи... Но тогда скажи мне, что сам, без подсказки звезд и прочего, знаешь ты о науке, именуемой алхимией? А именно: дозволяют ли средства и способы той науки превратить презренный свинец в благородное золото?

– Алхимия – наука сложная, мой каан, и тайны ее открыты немногим. С младых ногтей начинающие алхимики помогают учителям своим у горнов, реторт и плавильных печей, набираясь будущей премудрости. Многие приемы и заклинания алхимиков не найти ни в одной книге – ибо все передается из уст учителей в уши учеников.

– Пустые слова... Я ничего не понимаю в премудростях левитации, однако ж знаю: люди, превзошедшие те премудрости, парят в воздухе, не нуждаясь в крыльях. Можно сделать золото из свинца? Да или нет? Твой повелитель задал простой вопрос, и советую ответить так же просто, не ссылаясь на тайны, ведомые лишь посвященным.

По тону йорд-каана Монред сообразил, что терпение владыки иссякает, и ответил, как требовал Балеог, коротко и однозначно:

– Да. Можно, мой каан.

– Отчего же не алхимики самые богатые люди Лаара?

– Путь к тайнам трансмутаций долог и труден, мой каан. И прошедший его обретает иные ценности, куда дороже, чем желтый металл, коий вы, мой каан, именуете благородным, а люди духовного пути – презренным. Так, по крайней мере, написано в книге мудрейшего Зей-Кааба, первого мага, сумевшего получить алхимическое золото.

– Ну-ка, ну-ка, рассказывай с подробностями. Это было настоящее золото? Не свинец, окрасившийся в желтый цвет?

– Настоящее, мой каан, – и по цвету, и по удельному весу, и по химическим свойствам. Однако же обладал тот слиток и еще кое-какими неприятными особенностями, не присущими обычному золоту. И Зей-Кааб, получив первую партию металла, никогда не повторял опыта, даже сжег все записи, к нему относящиеся.

– Любопытно... чем же провинилось его золото? Лаяло и кусалось?

– Почти так, мой каан... Можно сказать, так все и было, хотя лая никто не слышал, а укусов до поры не чувствовал. В своих опытах мудрейший Зей-Кааб сильно поиздержался и задолжал крупную сумму ростовщику, – полученный металл ушел в уплату долга.

Услышав про ростовщика, йорд-каан успокоенно покивал:

– Значит, и впрямь золото оказалось настоящим. Ни один пройдоха-ростовщик не принял бы в оплату свинец, окрасившийся в желтый цвет.

– Принял, мой каан, и даже восхитился чистотой металла, и заказал сделать из алхимического золота украшения для жены и массивный перстень для себя.

– Что же тогда насторожило Зей-Кааба? Даже испугало?

– Жена ростовщика вскоре после того умерла от загадочной, неизвестной болезни. Муж ненадолго пережил ее, и смерти его предшествовали те же симптомы.

– Совпадение... Мало ли болезней гуляет по свету?

– Слишком много совпадений, мой каан. Ювелир, изготовивший украшения, словно бы подцепил ту же заразу: слабел и чахнул без видимой причины, у него выпадали зубы и волосы. Хуже того, и у себя Зей-Кааб обнаружил похожую болезнь, правда, в слабой форме и не ставшую смертельной; и у своего ученика, помогавшего в опытах... С тех пор мудрейший навсегда забросил науку и посвятил остаток дней своим виноторговле, в коей весьма преуспел.

– Ну и дурак твой Зей-Кааб, – сделал вывод Балеог. – Если и впрямь сварил настоящее золото, мог купить рабов и приставить к тиглям и ретортам, а сам бы приглядывал за ними издалека. А полученный товар сплавлял бы в отдаленные города, желательно враждебных держав, – болезни среди врагов дело полезное.

Надежда стать самым богатым монархом под небесами вновь согрела душу йорд-каана, и он стал выпроваживать кудесника из шатра со словами:

– Ступай, любимец богов, и принеси жертву небесным покровителям, – пусть грядущая ночь станет самой удачной в жизни твоего владыки.

– Какое животное мой каан прикажет пожертвовать? – осведомился старик. – Овцы, взятые в поход, все съедены, равно как вся и захваченная скотина. Отправить на заклятие вьючную лошадь?

– Ишь чего удумал... лошадь ему... И мечтать не смей! Очень скоро мне понадобятся все вьючные лошади, до последней.

– Так что же принести богам?

– Придумай что-нибудь... За что деньги получаешь?! Лес кругом – белку излови, или зайца, что ли...

– Увы, мой каан, ловля белок и зайцев не входит в число моих ничтожных умений.

– Ты испытываешь мое терпение, кудесник. Неужели твой повелитель должен ловить для тебя по кустам зайцев?! Разбуди сотника Бойзу, тот большой дока в охоте... А теперь исчезни с глаз моих, дармоед!

Любимец богов послушно исчез. А Балеогу вновь представились манящие груды алхимического золота – и все величайшие дела, что свершит он, йорд-каан, захватив это богатство.

Глава шестая

К чему приводит жадность при жертвоприношениях

Точную численность дружины магноса Иеремиуса купцы-эрладийцы не знали. Много, дескать, и конных, и пеших. А сколько много – Хаос ведает...

...Всадники безмолвными серыми тенями двигались сквозь темноту: не звякают подковы, не бряцает оружие, кони – и те не ржут, приучены. Балеог – во главе отряда, впереди него только дозорные, скользят неслышной волчьей поступью, временами возвращаются, докладывают вполголоса: все тихо, можно двигаться дальше.

И так же – вполголоса – убеждал йорд-каана полутысячник иль-Бахр (тот самый, что талантливо изобразил караван-баши):

– Нельзя посылать всех воинов в бой, не зная, сколько врагов и чем они вооружены.

Балеог молча кивал: нельзя, понятное дело.

– Но и после тщательной разведки, мой каан, – продолжал иль-Бахр, – я не советовал бы нападать сразу. Дома помогают и стены, особенно если это высокие стены замка. Надо выманить магноса из них.

– Как?

– Пошлем к нему гонца, мой каан.

– В своем ли ты уме, полутысячник? Наш гонец проживет у магноса ровно столько, сколько надо, чтобы перекинуть веревку через потолочную балку, и подставить то уродливое четвероногое сооружение, о которое жители равнин так любят плющить свои седалища.

– Гонцом будет не наш человек, мой каан.

– Кто же?

– Купец-эрладиец.

– Так-так-так... – Балеог начал понимать суть замысла. – Тот, который странствовал с сыном, конечно же? И он, зная, что наши клинки у горла его сыночка, скажет лишь то, что мы велим... Так?

– Сияющая мудрость йорд-каана высветила до дна колодец моих замыслов.

– Не первый год в походы хожу... И что за весть принесет купец магносу?

– Почти правдивую, мой каан: нечестивые йордлинги грабят сейчас караван со свинцом совсем неподалеку, возле Сандира. А он, купец, чудом вырвался и прискакал за помощью.

– Понятно... Магнос или поскачет на выручку сам, или пошлет большую часть дружины. А мы захватим замок и устроим засаду возвращающимся.

Иль-Бахр завел снова что-то о мудрости повелителя, но йорд-каан оборвал его нетерпеливым жестом. Отличный план... Давно пора бы назначить иль-Бахра тысячником и командиром отдельного отряда, но... Но Балеог не назначит. Слишком тот умный... Умным опасно давать много власти, ничем хорошим не закончится.

* * *

Городок Сандир приткнулся к склону не то большого холма, не то небольшой горы. Впрочем, Балеог, привыкший совсем к другим горам, мысленно обозвал возвышенность «кочкой». Аккуратные домишки под черепичными крышами слабо белели в темноте стенами, обмазанными известью. Нигде ни огонечка, не слышно и не видно ночной стражи на узких улочках. Тишина, лишь изредка взлаивала собака и тут же смолкала, словно и она опасалась, что услышат страшные йордлинги, налетят, ограбят: заберут цепь, миску и припрятанную на черный день кость, а уходя – подожгут конуру.

Балеог вздохнул. Эх, хорошо бы разбудить сонных лежебок, ворвавшись в Сандир – с грохотом копыт, с молодецким гиканьем, с факелами, летящими в окна... Нельзя. Замок магноса неподалеку – стоит наособицу, в десятке лиг, отделенный от Сандира протяженной дубравой. И тревожить до срока обитателей замка ни к чему.

Спящий городок обошли стороной. А в дубраве началось непонятное...

Для начала потеряли дорогу. Сеггер ведает, как это произошло, но потеряли. Вроде только что копыта лошадей ступали по колеям, плотно уезженным колесами возов, – и вот уже невысокая трава, а колеи куда-то делись. Сунулись туда, сюда, – нет дороги! Словно испарилась...

Двинулись напрямую – заплутать трудно, дубрава княжеская, заповедная, давненько не гулял здесь топор дровосека, дубы-великаны стоят редко, и подлеска под их могучими кронами никакого...

Заплутать трудно, однако же заплутали, и очень быстро. Описали круг в темноте и снова вышли к приметному месту, – к дубу с расщепленной молнией вершиной.

Тут йорд-каан сообразил, что без магии не обошлось. Горец даже в темноте, даже в чужих краях никогда не заблудится, лишь бы светили на небе луны да звезды, а ночь нынче выдалась безоблачная.

Купцы-эрладийцы ничем помочь не могли – дальше Сандира не ездили, там у них принимал товар приказчик магноса, там и рассчитывались за привезенный свинец.

Монред подтвердил: да, какую-то магию он в дубраве чувствует. Но разобраться в хитро сплетенных заклинаниях не получается: знать, высокого полета чародей тут потрудился.

Балеог, с одной стороны, порадовался: видно, есть что беречь магносу Иеремиусу, коли не поскупился на магические преграды. Но как те преграды обойти? Этак недолго и проплутать среди дубов до самого рассвета... Надо было все же не жадничать и поднести богам выючного коня, а то поди-ка, подели на весь небесный пантеон того вшивого ежика, что изловил и прикончил на походном алтаре Монред, – кому лапка достанется, кому хвостик, а кому и вовсе клочок шкуры с иголками вместо меха...

Выход, конечно же, нашел иль-Бахр, эта хитрая лиса всегда и везде находила выход. Вернее, в данном случае, – вход, ведущий к замку магноса.

Поступили просто – стреляли из лука вперед, привязав к стреле тоненькую бечевку, – именно так делают йордлинги, когда наводят веревочную переправу через бездонную пропасть или горную реку.

Затем двигались вдоль натянутой бечевки. И казалось: бечева не лежит, как ей положено, вдоль полета стрелы прямо и ровно, – но изгибается, уводит далеко в сторону. Но так лишь казалось...

Преодолевать подобным способом лигу за лигой – занятие не самое легкое и быстрое. Однако же, выпустив стрелу не то в десятый, не то в одиннадцатый раз, йорд-каан уже сбился со счета, увидели: бечевка натянулась прямо, как струна. Магическая преграда закончилась.

А вскоре и дорога появилась...

* * *

Вернувшиеся разведчики доложили: не похоже, что в замке бодрствует готовый к отражению атаки гарнизон. Но сам замок... Громадина. Дворец, обнесенный стеной. Богато живет магнос, ничего не скажешь.

Вообще-то йордлинга замком не удивишь. Дело тут вот в чем: у горцев дворянства, как отдельного сословия, нет, равно как нет и простонародья. Каждый йордлинг – сам себе дворянин, и считает себя полной ровней сайэрам с равнин. Даже свой герб у каждого семейства имеется. Пусть порой простенький, вроде трех перекрещенных стрел, однако и каждая скотина,

и каждый невольник помечены тавром с изображением того герба, и на щитах и родовых бунчуках он же красуется. Все как у благородных.

И живут вольные горные дворяне, как и надлежит, в замках. Зимой, естественно, когда заканчивается кочевая тюбеневка на горных пастбищах, и отары овец, неспособных добыть корм из-под снега, возвращаются в селения.

Некоторые глупые равнинные жители, лишь издалека видевшие горы, считают, что живут дикие йордлинги в нищих лачугах, а то и вообще в пещерах, на манер горных троллей. Сами они дикие... У каждого йордлинга, пусть даже совсем не зажиточного, есть свое родовое гнездо, дом-крепость: башня в два этажа, сложенная из дикого камня: на верхнем зимой живут, в нижний загоняют овец при угрозе нападения. У тех, что побогаче, башни уже трехэтажные, а у самых могущественных родов – настоящие крепости из многих башен (в четыре, а то и в пять этажей), соединенных поверху защищенными от стрел переходами...

Отряд приблизился к обиталищу князя Сандирского, и йорд-каан был вынужден согласиться: и впрямь громадина, немногим меньше Йорд-Кале будет... (Балеог мысленно солгал сам себе: даже на вид, не вымеряя стены шагами, замок магноса выглядел обширнее и внушительнее, чем крепость-столица йордлингов.)

Во всей темной громаде – всего три огонечка, три окна в дальнем крыле светятся... И стража на стенах не перекликается, сон разгоняя. Подъемный мост опущен, но так просто на него не попадешь – с наружной стороны въезд перегорожен каменной аркой с воротами, а по бокам от ворот – две караулки с толстыми стенами и узкими окнами-бойницами. Пока нападающие будут ломиться в ворота под стрелами из караулок, гарнизон и мост поднять успеет, и вообще к обороне подготовиться.

Да вот только ни слуху, ни духу того гарнизона. В караулках – темнота и тишина.

– Засада? – полуутвердительно прошептал йорд-каан иль-Бахру.

Можно и такого ожидать. Если как-то прослышал, разузнал магнос, что кочевники на его богатства нацелились, вполне может заманивать незваных гостей.

– Не чую... – шепнул в ответ полутысячник, глубоко втянув воздух ноздрями, словно и впрямь принюхивался. В бою, да и перед боем он выражался коротко, без обязательного «мой каан».

Балеог чутье старого лиса уважал. Не настолько, чтобы полагаться без оглядки на слова полутысячника, но уважал. Он повелительно махнул рукой: выпускайте, дескать, фальшивого гонца.

Коня, на котором предстояло подъехать к замку эрладийцу, загодя прогнали по кругу галопом – чтобы пена с боков, чтобы хрипел загнанно. А самому купцу подбили глаз, порвали и изваляли в пыли одежду – сразу видно, чудом спасся. И очень красочно живописали, как долго и мучительно станет умирать его сын, если отец скажет хоть одно лишнее слово.

Соскочив с седла, эрладиец колотил в ворота кулаками, взволнованно вопил что-то на трех языках вперемешку. Словом, лицедействовал вполне талантливо. Йордлинги наблюдали из темноты – затаив дыхание, держа оружие наготове.

Довольно долго не происходило ничего. Вообще ничего. Словно обитателям замка было абсолютно наплевать на все на свете, кроме своего глубокого и здорового сна.

Затем ворота – не те, что прикрывали мост, но главные ворота замка – тягуче заскрипели петлями, одна створка медленно-медленно поползла в сторону. Вот приоткрылась щель, достаточная, чтобы бочком проскользнул человек, вот она расширилась несколько больше... И наружу показался охранник. Один.

Монред, как уж умел, творил заклинание: проверял, не прячется ли за отпертыми воротами готовый к стремительной атаке отряд. Иль-Бахр нервно теребил рукоять изогнутого меча. Балеог думал, что в лживые глотки принято заливать расплавленный свинец, – и такая казнь

окажется весьма подходящей, даже символичной, для купцов-эрладийцев, буде они посмели обмануть йорд-каана.

Охранник оказался не человеком. Орком. Не молодым, сильно прихрамывающим. В одной руке верзила сжимал пылающий факел, в другой – всенепременную дубину. Пока он, приволакивая негнущуюся правую ногу, шаркал к внешним воротам, Монред закончил свои труды и прошептал:

– Никого, мой каан. Никого нет поблизости.

Дохромав до предмостового укрепления, зеленокожий пустил в ход свою луженую глотку, и его слова затаившиеся йордлинги разобрали хорошо, в отличие от невнятных воплей торговца.

Речи орка неприятно удивили Балеога. Магноса, дескать, в замке нет, в отъезде сиятельный магнос, и дружина вместе с ним, разумеется. Так что спасайтесь сами, торговые люди, как уж сумеете, и нечего тут орать под окнами, тревожить ночной покой.

«Волью в глотки свинец, а затем повешу на воротах», – постановил для себя йорд-каан. И гаркнул уже во весь голос, уже не скрываясь:

– Сотня Бойзы, вперед! Захватить ворота, пока не заперты!

Сколько же можно здесь торчать, вычисляя по звездам и конскому помету: есть впереди ловушка или нет? А передовой сотней и пожертвовать по беде можно.

Иль-Бахр хмыкнул не слишком одобрительно после нетерпеливого приказа йорд-каана. Но ничего не сказал.

Услышав из темноты конский топот, хромоногий не пытался поднять в одиночку мост или же принять иные меры для обороны. Опрометью кинулся было обратно, но хромота не позволила развить нужную скорость.

На середине моста орк остановился, оглянулся, – йордлинги уже закинули веревки с крюками на зубцы арки, карабкались наверх. Отшвырнув дубину и факел, зеленокожий подковылял к перилам моста, перевалился, – плюх! – мощный всплеск потревожил кувшинки, застывшие на темной воде рва.

Утонул он, или же сумел выбраться на дальний берег, – никого из атакующих не заинтересовало.

* * *

В поисках поживы йордлинги рассыпались по всему громадному замку. Временами то один, то другой выскакивал с докладом во внутренний двор, где стоял Балеог в окружении сотенных командиров и личных охранников. Сюда же, дабы не убежали под шумок, привели купцов-эрладийцев – бледных и съезжившихся от страха.

Доклады воинов не радовали их владыку. В буфетных замка хоть шаром покати, не то что золотой посуды нет, – даже серебряной не нашли. Оловянная, словно у купчишки проторговавшегося... Взломали мощные железные двери с хитроумными запорами – и точно, за ними сокровищница княжеская оказалась. Да только в сундуках там пусто и в ларцах ветер свищет... В оружейной кладовой – старье, хлам, мечишки ржавые да латы покореженные. И мехов драгоценных, редких не нашли йордлинги в гардеробных, и коней благородных кровей не обнаружили на конюшне.

Йорд-каан и сам прошелся покоями замка и увидел достаточно, чтобы понять: жилище магноса напоминает яйцо гурха, которым полакомилась каменная куница, прогрызшая крохотное отверстие в скорлупе и выпившая все содержимое. Так и здесь: стены-скорлупа на месте, а внутри – пустота, взять нечего...

Причем видно, что не так давно жил Иеремиус вполне зажиточно, как и положено вельможному магносу. И утварь имел драгоценную, и гобелены с картинами, – на стенах после

них темные пятна еще выцвести не успели. Да и в часовне замковой золото с алтаря и образов словно вчера ободрали.

«Кто же тут поживиться успел?» – ломал голову Балеог, недобро поглядывая на эрладийцев.

Во двор начали приводить пленных, прятавшихся по дальним закоулкам замка. Оказалось их немного: прислуги десятка полтора, несколько воинов – причем все, как и бросившийся в ров орк, немолодые да увечные. И две женщины – молодая и старая – по одежде судя, из благородных. Ни самого магноса, ни мага-алхимика, – не врал, стало быть, хромоногий.

Балеог немедленно учинил схваченным допрос: что тут стряслось, куда всё подевалось и все исчезали.

Выяснилось – не врали купцы... Почти. В самой малости ошиблись.

В самом деле хозяин замка в короли метит, и все богатства на это дело спустил, и статуи с посудой продал, и шпалеры драгоценные, и драгоценности из шкатулки единственной дочери. Только всё равно не хватало, алхимика привез издалека – мага из ордена Тоа-Дан...

Свинец-то маг извел, но вот золото – ошиблись в том купцы – у него не получилось. Много лесов окрестных на древесный уголь пережгли – а все не тот, не дает нужного пламени. Холодный огонь, дескать, – жаловался тоаданец. Вместо золота или нормального свинца хотя бы – что-то непонятное в тиглях остывало, бурого цвета и на металл вовсе непохожее...

От такой алхимии вельможный магнос слегка ополоумел, очень уж он большие надежды на волшебное золото питал. Снялся с места с приближенными и дружиной, потащил алхимика с его приборами да свинец к Халлиарскому вулкану. Мол, если уж и там тебе холодно будет, сам в жерло отправишься, самозванец!

Халлиарский вулкан?! О-хо-хо-хо... Балеог представлял, где это. Чтобы захватить там магноса с алхимиком, придется пересечь из края в край всю Кандию, растревоженную набегом йордлингов. Да проще и безопаснее раздеться догола и сунуться в пчелиный улей за медом. И неизвестно при том, есть там мед или нет. В смысле, сумел ли алхимик добыть заветный металл... Очень похоже на то, что магнос все-таки связался с шарлатаном.

ТЬфу... Стоило копыта коням бить...

А женщины благородного облика – это дочь магноса, значит, с дуэньей, дальней и нищей родственницей.

Дочь – это хорошо, решил йорд-каан. Вдруг все-таки алхимик свинец в золото превратить сумеет? Наверное, тогда магнос пару-тройку возов с золотыми слитками не пожалеет, чтобы выкупить единственную дочку.

Йорд-каан еще раз окинул взглядом замок, разоренный самим хозяином, и решил: о возах с золотом нечего и мечтать. Шарлатанство вся эта алхимия... Подошел к женщинам, поигрывая плетью с отделанной серебром рукоятью.

– Как зовут? – спросил почти даже добродушно.

Старуха молчала и смотрела затравленным зверьком, гадающим, освежают ли его сейчас и разделают, либо же сожрут целиком, со шкурой и костями. Уймись, кому нужно твое старое мясо?

Молодая держалась получше. Выпрямилась во весь рост, ответила гордо:

– Амила, княжна Сандирская.

Гордо, но не дерзко. Глупо дерзить тому, чья плеть может быстренько научить покорности... А ничего, вполне симпатичная, решил Балеог. И фигурка, и мордашка... Он оглянулся на соратников. Вроде бы здесь собрались самые верные, самые близкие... И все равно нельзя им полностью довериться... Узнает Дочь Снегов, и... Балеог раздраженно хлестнул плетью по своему сапогу и отвернулся от пленниц.

Полчаса спустя йордлинги покинули замок, увозя юную магнессу. Выла во весь голос старуха-дуэнья, оставшаяся без подопечной, слуги торопливо шарили по кладовым, забирая

все, что уцелело при распродаже и не приглянулось йордлингам. В арке ворот покачивались трое повешенных эрладийцев с вырванными языками...

В мирно спящий городок Сандир горцы ворвались, как о том и мечталось йорд-каану: с грохотом копыт, с молодецким гиканьем и с факелами, летящими в окна...

* * *

Беда не приходит одна. Они, беды, любят странствовать стаями, словно ночные хищники, – и если одна беда запустила в тебя зубы, то и остальных жди, не задержатся.

Так думал йорд-каан Балеог, устроив в оазисе Зи-Дайр смотр своему поредевшему войску. Зи-Дайр загодя назначили точкой сбора для возвращающихся из Кандии отрядов – но многие, слишком многие воины гор не смогли туда добраться...

Все тот свиток, полученный от Дочери Снегов... Забыл Балеог ознакомить с ним командиров своих летучих отрядов. Забыл, с кем не случается... И всадники Гойды, молочного брата йорд-каана, невзначай разграбили небольшой городок, принадлежавший магносу Сандивиллу – тому самому, чьи владения строго-настрога запретила тревожить Тейя.

Впрочем, вполне может быть, что свиток ничем и не помог бы, – Гойда не имел обыкновения спрашивать, кому принадлежат дома, которые он грабил, и нивы, по которым топтались копыта его конницы. Что приглянулось йордлингу, вольному горному орлу, – то уже принадлежит ему, что бы на сей счет ни думали недавние хозяева.

Балеог попенять молочному брату не мог. Гойда погиб, и сложили головы почти все его всадники.

У магноса Сандивилла, оказывается, дружина конных панцирников под копьём стояла, – весьма многочисленная, хорошо обученная, готовая к немедленному выступлению. Не иначе как Сандивилл тоже королем стать задумал, да только не при помощи подкупа...

Перебив всадников Гойды, панцирники ударили по разрозненным отрядам горцев. По всей Кандии прокатились, словно горная лавина. Кто из йордлингов пробовал сопротивляться, тех таранным ударом сминали конники в панцирях, украшенных по кандийскому обычаю белоперыми крыльями. Остальные бежали, побросав захваченную добычу. Но многие из них, увлекшись грабежом, забрались слишком далеко вглубь страны, – и не успели пробиться в пустыню.

Если называть вещи своими именами, поход закончился полным провалом. Добычи кот наплакал, половина войска – перебита или в плену... Беда. А еще и лорд-регент принцессу ждет, отчета требует...

Разве что попробовать всучить ему плененную дочь магноса? Нельзя, слишком рискованно, сама же девица первой и проболтается, кто она на самом деле.

Чтобы хоть как-то восполнить убытки, Балеог приказал разграбить оазис Зи-Дайр – и уж здесь йордлинги постарались... Забрали все, что смогли. Даже припрятанные в самых укромных тайниках драгоценности – хозяева сами показывали их, не выдержав пыток огнем и железом.

Оазис пылал, когда его покидала конница горцев. Тушить пожары было некому, всех уцелевших жителей йордлинги угоняли с собой – те, кто сумеет пересечь пешком пустыню, попадут на невольничьи рынки, ну а кости остальных обглодают гурхи и прочие падальщики.

Схожая судьба ожидала и три других оазиса, лежавших на обратном пути войска. О том, что последний из них, Гаа-Рах, Тейя строго-настрога запретила трогать, Балеог и не вспомнил. А свериться со свитком не мог, где-то обронил его, унося ноги от конных панцирников магноса Сандивилла...

* * *

Нельзя сказать, что Дочь Снегов впала в бешенство, узнав о результатах похода. Столь резких проявлений чувств она себе не позволяла. Просто почувствовала усталость, и бесконечную тоску, и желание бросить все, вернуться к родителям, в родное племя смедлингов... И навсегда позабыть о своем непутевом женихе.

Не бросила и не вернулась. Несколько часов совещалась с Монредом и с премудрым иль-Заахом, исполнявшим при небольшом дворе йорд-каана обязанности первого министра, казначея и, по совместительству, верховного конюшего. О чем говорилось на том совете, никто не узнал, и решения его стали претворяться в жизнь не сразу, – недели через три после возвращения потрепанного войска йордлингов.

Началось с того, что плененную магнессу Амиллу, жившую в Йорд-Кале в скромных покоях на положении не то узницы, не то гостьи, перевели в отдельный роскошный флигель, и приставили вместо двух служанок чуть ли не полсотни, предписав обращаться с девушкой, как с самой почтенной каанум. Дальше – больше: роскошные наряды, украшения, личный повар из пленных аккенийцев, готовящий самые изысканные блюда... А еще – нескрываемая почтительность к юной княжне со стороны Балеога и Тейи.

Прямо ничего сказано не было. Но вскоре по дворцу-крепости пополз слух, неизвестно кем распушенный, пополз и коснулся изящнейшего ушка магнессы: ее отец, князь Сандирский, избран-таки королем! И грозит войной Балеогу, если дочь не вернется немедленно под родительский кров!

Поверили все, и Амилла – в первую очередь, в ее положении *очень хотелось* поверить... И когда княжну с величайшим уважением усадили в раззолоченный паланкин, тронувшийся из Йорд-Кале в сопровождении многочисленной свиты, взволнованная и обрадованная девушка не сомневалась: очень скоро она увидит луга и дубравы Кандии.

Она бы не столь радовалась, если бы смогла прочесть письмо, хранившееся в серебряном ларце у иль-Зааха, возглавившего сопровождавших магнессу всадников.

Письмо йорд-каана Балеога к Адрелиану, лорду-регенту Туллена

«Бессменный хранитель Тулленского престола, храбрейший рыцарь Церкви, победитель порождений Хаоса и искоренитель ересей, брат мой Адрелиан, – вечно здравствуй на страх врагам!

Похвальный обычай осыпать друг друга подарками, будучи надежнейшим основанием дружбы и взаимного доверия между владыками, повелевает нам прежде всего высыпать на ковер приязни отборнейшие жемчуга приветствий и изумруды лучших пожеланий, которые и просим принять благосклонно. Единственная цель этого послания есть нижеследующая. Цветник сердца нашего, не орошаемый водой известий о здоровье друга и брата нашего Адрелиана, иссох совершенно: посему, кланяясь сказанному другу, желаем знать, в каком положении находится вышеупомянутое здоровье, дабы увядшие почки реченного цветника вновь могли расцвести во всей красе и привлечь к себе соловьев радости и наслаждения. А поскольку ныне не о чем больше писать, и дела никакого в виду не имеется, то желаем, чтобы Пресветлый Сеггер упрочил ваше могущество до дня представления света.

Раб Божий

Балеог

Р.С. Мы недавно воротились из похода на еретиков и врагов веры кандийцев, коих при помощи Пресветлого Сеггера разбили в прах, уничтожили и искоренили совершенно. За совершение столь благого дела Пресветлый даровал нам несметную добычу и целую тьму невольников. Плененная при этом случае дочь короля кандийцев, наследница многих магноратов, земель и замков, при сем прилагается. Судьба не дозволила нам в этот раз похитить заодно и королеву-мать кандийцев, ибо та при вести о наших победах скоропостижно скончалась от огорчений и желудочной колики; приносим извинения в оплошности.

Р.Р.С. Добыча наша бессчетна, но в последний победоносный поход мы замутили и потеряли почти всех лошадей наших, будущей же весной намерены, во славу Сеггера, искоренить и совершенно уничтожить безбожный Соултрад. Совершения этого благочестивого подвига требуют самых лучших лошадей и наличных денег. Тулленские лошади славятся своей быстротой и силой. Находимся также в необходимости занять где-нибудь денег. Нам довольно четырех, шести, много двадцати тысяч золотых содаров.

Р.Р.Р.С. Вина эрладийские славятся во всем мире своим вкусом и чудесной изысканностью букета: здесь же они редки, и в настоящее время, после войны между Тулленом и Аккеншей, нельзя достать этих вин ни за какие деньги. О чем извещается.

Р.Р.Р.Р.С. Повторяем бесконечно поклон наш дражайшему другу и венценосному брату, и с тревогой ожидаем известия об упомянутом бесценном здоровье, как единственной цели сего послания».

Балеог, подписывая сочиненное иль-Заахом письмо, прочитал, – сплюнул, выругался, и не вернул перо в чернильницу, а в сердцах зашвырнул в угол. Тейя, напротив, осталась совершенно довольна.

Часть вторая Любовь и корона

Глава первая Совет и любовь

Солнце поднялось высоко. Еще недавно его лучи наклонно пронзали Зал Совета словно тысячами стеклянных копий. Теперь эти копыя стояли, прислоненные дровками к высоким окнам с темными резными рамами, и с их наконечников стекала сияющая кровь, желтая, как топленое масло.

«Не к добру, если в голову приходят такие мысли», – подумал Хильдис Коот, светлейший епископ Церкви Пресветлого Сеггера, от лица которой сегодня выступал. Правда, с таким же успехом он мог представлять и Инквизицию, поскольку являлся примасом ее капитула и ближайшим помощником основателя, патриарха Феликса Гаптора. Сам патриарх вот уже третий месяц как покинул столицу и уехал в неизвестном направлении. При крайней необходимости к нему можно обратиться... но об этом его светлейшество предпочитал даже не думать – даром что магический кокон, окутывающий Зал Совета, не уступал по надежности защитным завесам Дома Инквизиции.

Совет сегодня начался поздно: ждали лорда-канцлера. О том, что он опоздает, стало известно еще утром, когда члены королевского совета по обычаю собрались в нижней трапезной – длинном зале с низкими сводчатыми потолками, опирающимися на мощные квадратные колонны. Покойному монарху, да упокоит Пресветлый Сеггер его душу, и в голову бы не пришло принимать здесь пищу. Его величество предпочитал вкушать пищу уединенно, в одном из висячих садов...

Теперь висячих садов не осталось – слишком дорогой стала вода в Лааре. Лишь внутренние дворики на женской половине украшали неприхотливые степные деревца.

Лорд-регент, а в самом ближайшем будущем – император Туллена Адрелиан сидел на своем любимом кресле. Совет негласно именовался «Советом равных», однако для того, чтобы подойти к лорду-регенту, требовалось подняться на три ступеньки. Вынужденная мера: когда восстанавливали дворец, перед строителями встал выбор: либо поднимать весь пол, просевший во время землетрясения, либо сооружать это возвышение. Что ж, когда на это место поставят трон...

В том, что это случится, давно никто не сомневается. За десять лет народ Туллена – да и не только Туллена – устал от непрестанных раздоров, устал жить в хаосе, который последовал за Катаклизмом. Казалось, стихия погубила не только всю королевскую семью, казалось, вместе с ними в людях погубило все человеческое. Брат шел на брата. Люди оплакивали погибших родственников – и тут же убивали уцелевших, чтобы отнять то небольшое, чем те владели.

«Тьма пробудилась в нас самих, – думал Хильдис Коот, поглядывая на лорда-регента. – По сравнению с ней все армии Темной стороны не страшнее шайки карманников. Победи ее – и станешь непобедимым».

Кажется, всем известно: сообща с бедой сладить легче. Но почему так мало нашлось тех, кто вспомнил эту простую истину в те страшные дни? И почему так много было... других?

Скольких магов опьянило внезапно обретенное могущество... Обнаружив, что немислимой мощи артефакты буквально валяются под ногами, а заклинания, которые прежде вытягивали из них половину жизненной силы, теперь срабатывают, стоит их только произнести, они

уничтожали друг друга в бесцельных поединках. Они убивали ради того, что с легкостью могли добыть сами... Порой даже клятва верности ордену не могла удержать их.

Сколько было сайэров, чудом уцелевших и обнаруживших, что они стали единственными наследниками огромных земель. Добрая половина их владений превратилась в пустыню: земля обожжена, покрыта толстой коркой, растрескавшейся, словно плохо обожженный глиняный горшок, – однако хозяев сайэратов это мало волновало. Многие пали жертвой соседей, успевших переманить больше наемников. Но, как сказал один мудрец, «верность наемника короче, чем его копье». Наемники перебежали к тем, кто предлагал большую плату, и с легкостью обращали оружие против того, кого еще вчера называли господином. Они убивали и грабили, грабили и убивали, – не разбирая, на чьей земле находятся. Впрочем, это было не самое страшное. На Лааре исчезла вода. Высохли колодцы, обмелели реки. Месяцами не выпадали дожди. И тот, кто еще недавно видел себя властелином половины великой степи, умирал от жажды в своем замке, окруженный ненужной роскошью, покинутый самыми верными из слуг.

* * *

Его светлейшество епископ Хильдис недолюбливал мероприятие, именуемое большим королевским советом. Хотя, конечно же, никогда и никому не продемонстрировал бы эту нелюбовь... Более того, считал достаточно бессмысленным собирать раз в месяц со всего Туллена провинциальных чиновников и офицеров, чтобы выслушать их «доклады с мест». Местными проблемами провинций, как полагал епископ, должны заниматься наместники, но никак не местоблюститель престола и его приближенные. Однако же лорд-регент Адриелиан называл это «держать руку на пульсе государства» и был непреклонен: все члены малого королевского совета должны присутствовать и на большом. Впрочем, иногда в докладах приезжих попадалось кое-что, заставлявшее его светлейшество слушать весьма внимательно.

Однако сейчас сайэр Хильдис, изображая полное внимание, пропускал мимо ушей рассказ молодого гвардейского офицера о стычке с троллями на землях, примыкающих к болотам Уорлога. История пустячная – местные крестьяне наняли троллей для раскорчевки поля и вздумали расплатиться с ними брагой из свекольной ботвы, последствия оказались весьма разрушительны... Однако наместник сайэр Остелен явно поспешил, назвав происшествие «восстанием троллей».

И епископ не слушал гвардейца, внимательно наблюдая за лордом-регентом.

...Адриелиан сидел прямо, чуть подавшись вперед. Серые глаза поблескивали из-под полуопущенных век, но в этом не чувствовалось ни рассеянности, ни равнодушия: так смотрит человек, который сосредоточенно обдумывает слова собеседника – но видит и слышит все, что происходит вокруг. Время от времени лорд-регент поднимал взгляд, который становился напряженным и пристальным, как у кречета. Тогда два пальца левой руки – средний и указательный – нетерпеливо поглаживали коротко стриженную седеющую бородку. Несомненно, с большей частью докладов он ознакомился еще накануне вечером. Но одно дело читать свитки, а другое – слушать, что говорят люди... и как говорят.

Меж тем история с буйными пьяными троллями сменилась делом об исчезновении воды в коронных землях, отданных во временное пользование магу Эрлату Тоорду, – доклад о следствии по делу также не привлек внимание епископа, Инквизиция провела там свое независимое расследование: не имело ли место враждебное магическое воздействие? – но нет, обошлось без такового, просто Тоорд, маг-недоучка, не состоявший ни в каком ордене, самонадеянно переоценил свои силы.

– Теперь я хотел бы выслушать мастера Арбака, – лорд-регент пробежал взглядом список назначенных к рассмотрению дел. – Затем вы, Тассоран... Решение по поводу чеканки новой

монеты я предлагаю отложить до тех пор, пока мы не примем окончательного решения о короне. Ваше мнение?

Возражений не последовало, и канцлер сделал знак капитану-настоятелю.

Абрак, капитан-настоятель Храма Вольных, был в одних годах с Адриелианом, но казался старше... или моложе? Седина терялась в песочных волосах, стянутых на затылке в хвост. Поджарое, сухое тело с годами, казалось, не дряхлело, а высыхало, расставаясь со всем лишним и ненужным – оставались лишь кости, мышцы... и сила, терпкая, как выпаренное вино.

– Милорд регент, – начал он. – Я не умею говорить красиво. Не сочтите за дерзость ту просьбу, с которой обращается к вам круг капитанов – не только как к лорду-регенту, но и как к командующему королевской гвардией... коим вы и останетесь после того, как станете императором Туллена. Мы просим вас позволить нашим наставникам обучать гвардейцев. Не всех, конечно – как всегда, мы будем выделять тех, кто обладает хотя бы небольшими способностями к магии. Но хотя эти юноши будут обучаться как послушники и во время обучения жить в монастыре, это не обязывает их принимать посвящение и становиться воинами Храма. И... наверно, излишним будет сказать, что Храм не станет брать с них платы за обучение.

Адриелиан подошел к нему и обнял.

– Дорогой друг... Разве это просьба? Это лучший подарок, который вы могли сделать мне и Туллину. Это честь, о которой мы не смели просить. Господа, – он повернулся к советникам, – я понимаю, что этот вопрос следовало бы вынести на обсуждение, но...

– Но глуп будет тот, кто отвергнет дар, сделанный от чистого сердца, – произнес человек в темно-красном облачении слугителя Тоа-Дана.

Рослый, крупный, почти грузный, он казался мрачным и высокомерным – возможно, из-за привычки вскидывать голову, словно в попытке посмотреть на собеседника сверху вниз... а может быть, из-за его черных, словно углем нарисованных бровей, почти сходящихся на переносице. Несмотря на возраст – ему не исполнилось еще и сорока, – маг был совершенно седым.

– Золотые слова, мастер Анволд, – лорд-регент тепло улыбнулся. – Итак, я повторяю: кто-нибудь возражает против того, чтобы мы приняли предложение Храма?

Он выдержал паузу, дождавшись, пока смолкнет гул одобрительных голосов.

– Благодарю вас, – улыбка Адриелиана стала лукавой. – Сегодня на совете царит удивительное единодушие. В таком случае... мэтр Хаммах, сделайте одолжение, подготовьте к завтрашнему дню указ. Мы обсудим его и, думаю, утвердим. Мастер Арбак, вы передадите его кругу... Переходим к следующему вопросу?

И вскоре прозвучали слова, заставившие Хильдису Коота насторожиться и слушать весьма внимательно. Слова, слишком часто звучавшие в последнее время на больших и малых королевских советах.

Вот какие: беспорядки на границе с Аккенией.

* * *

– На границе с Аккенией беспорядки, – ротмайстер Тассоран, командующий небольшим приграничным гарнизоном, встал, вытянулся во фрунт и докладывал громким уверенным голосом, словно ротой на учениях командовал. – На этот раз виновниками оказались наши солдаты.

– Опять? – сайэр Куллен, делегат иллерданского наместника, вскинул жидкие брови.

– Никак нет. В прошлый раз драку затеяли аккенийцы.

Куллен лишь махнул рукой, не стал разяснять, что его «опять» относится лишь к беспорядкам, но не к их зачинщикам.

– Продолжайте, ротмайстер, – приказал Адриелиан.

Под внимательным взглядом лорда-регента ротмайстер коснулся щеки, словно хотел прикрыть огромный шрам, который тянулся от глазницы до нижней скулы. Давным-давно, когда орки тревожили границы Туллена, клинок зеленокожего рассек ему скулу. Усилиями полкового мага удалось спасти глаз, но кость срослась неправильно, и на щеке осталась глубокая вмятина. Тассоран отказался от операции – до Катаклизма на такое хватило бы сил не у всякого мага, – и старался не подавать виду, что стесняется своего уродства. Но неосознанная привычка прикрывать щеку ладонью осталась.

– Все произошло в приграничном трактире «Крепкий орешек». Двое рядовых, Воймир Пелисар и Проныра Сот, подошли к двум аккенийским легионерам и потребовали, чтобы те выпили за здоровье... – ротмайстер замялся.

– За мое, как я понимаю, – подсказал Адрелиан.

– Ну да... – кивнул Тассоран. – «За здоровье его величества Адрелиана, императора Туллена» – это прозвучало именно так. К сожалению, тому есть множество свидетелей...

– Понятно. Продолжайте.

– Аккенийцы пить отказались. Тогда Воймир и Проныра вывели их из трактира под угрозой оружия. Затем связали и напоили насильно. Причем не вином, а алхимическим питейным зельем.

– Проныра – это прозвище? – словно бы невзначай поинтересовался лорд-казначей, но в тоне звучал невысказанный попрек: ни к чему оскорблять слух собравшихся прозвищами всяких проныр.

– Никак нет, – ответил ротмайстер. – Пронырой он записан в метрике.

Лорд-казначей лишь покачал головой – странные, дескать, родители были у рядового Сота.

– Где они взяли зелье? – спросил епископ.

За магами-алхимиками Инквизиция наблюдала весьма внимательно, а подпольных нещадно преследовала. Алхимия в преступных руках крайне опасна...

– Получили от ротного лекаря, согласно норме ежедневной выдачи.

– Есть такая норма? – удивился Хильдис Коот.

Он считал, что выдача вместо вина питейного зелья осталось в прошлом, в тех временах, когда по морям плавали корабли, – и в дальних походах матросы получали свою законную ежедневную порцию зельем.

– Точно так, – подтвердил ротмайстер. – Для обработки ранок, царапин и прочего наружного употребления.

Лорд-казначей кивнул, подтверждая.

– А насколько пьяны были сами солдаты? – спросил лорд-канцлер.

– Они выпили по паре кружек вина и заказали третью, когда пришли аккенийцы. Пелисар послал Сота за зельем, и когда тот вернулся, – все и началось...

– Как отнеслись к этой, с позволения сказать, забаве остальные посетители трактира? – поинтересовался Адрелиан. – Там сидели другие наши солдаты?

– Сидели... – неохотно подтвердил ротмайстер. – Они оставались в роли наблюдателей, но никому и в голову не пришло остановить товарищей.

– Что думают по этому поводу гражданские власти Иллердана? – лорд-регент перевел взгляд на Куллена.

Тот встал, откашлялся, заговорил:

– Милорд регент и уважаемый совет... Если бы имели место единичные стычки, мы попытались бы разобраться на месте. Но вы видите сами. Ни одного заседания совета не проходит без того, чтобы на нем не прозвучали слова «беспорядки на границе с Аккенией». И заметьте, едва ли не в каждом третьем случае вина бесспорно лежит на наших людях. Расправу

над купцом Белегостом я вообще считаю возмутительным деянием, порочащим честь армии Туллена. Унижать человека лишь за то, что он является подданным другой страны...

– Прекрасно, – возразил один из делегатов. – А как тогда относиться к аресту наших воинов, которых продержали в клетке трое суток, не имея на это никаких оснований? Это не оскорбление?

– Аккенийцы всегда были слишком обидчивы, – лорд-комтур откинулся на спинку кресла. – Хочу вам напомнить, уважаемые, что обидчивость уже стоила жизни их императору.

– Ваше мнение, сайэр Авенир? – обратился Адриелиан к лорду-казначей, видя, что тот порывается что-то сказать.

Сайэр Авенир поднялся, поправил массивную золотую цепь, отягощавшую шею, и заявил:

– Вопрос в другом: нужны нам эти постоянные стычки как повод для новой войны с Аккенией? Тогда не только можно, но и должно оставить дела в нынешнем их положении. А уж при необходимости мы сумеем раздуть из малой искры большой пожар. Или же не нужны, как сеющие лишнюю рознь между нашими народами? Тогда надо укрепить дисциплину самыми простыми и действенными мерами. Для начала перевести гарнизоны на казарменное положение. Однако, как мне кажется, сейчас, после победоносной Семидневной войны, речь о войне новой и тем более о завоевании Аккении идти никак не может. И ответ, по-моему, очевиден.

Лорд-регент впервые поднялся со своего кресла, и все делегаты большого королевского совета немедленно смолкли, чувствуя: сейчас прозвучит нечто важное.

– Вопрос о завоевании Аккении и в самом деле не стоит, – заговорил Адриелиан негромко, повышая голос он не имел нужды, сейчас в обширном зале слышно было бы даже жужжание мухи. – Но вопрос о *мирном* воссоединении Аккении и Туллена, – стоит безусловно. Более того, мне кажется, что жителями обеих держав он уже решен, и решен положительно, не так ли?

Никто не ответил, и лорд-регент удовлетворенно кивнул.

– Молчание – знак согласия. За распрями и междоусобицей мы забыли о том, что Аккения и Туллен когда-то были единым государством со столицей в Кирсониге. И напомню, что изначально это государство называлось именно Тулленом, по имени императора-основателя. Об этом знает каждый мало-мальски образованный житель Лаара. Но одно дело – знать, другое дело – помнить. Мы все забываем об одной опасности, которую несут великие бедствия. Они делят нашу память на «до» и «после». То, что было прежде, со временем начинает казаться нам чем-то вроде легенды. Императорскому роду Аккении выгодно навсегда позабыть о том, что раньше вся империя называлась Тулленом. Но мы все помним. Оба наши народа – помнят.

Если бы Хильдис Коот не умел безупречно контролировать свою мимику, наверняка скривился бы, словно отхлебнув по ошибке вместо вина крепкого уксуса.

Политическое заявление – именно так называлось то, что произнес сейчас лорд-регент. То, о чем обыватели толковали в кабаках, а политики – в самом узком кругу, исключавшем утечку информации. Политическое заявление, сделанное высшим лицом государства в присутствии без малого сотни людей, очень скоро станет известно всем в королевстве, равно как и за его рубежами. Вот вам и повод к войне, лорд-казначей, куда уж до него дракам пьяных солдат...

Но до чего же не вовремя... Так, по крайней мере, считал сайэр епископ. До коронации, до женитьбы... Недаром говорил древний мудрец: «Слово, сказанное вовремя, есть семя, брошенное на пашню; слово, сказанное не в срок, есть семя, брошенное на ветер». А только что прозвучавшие слова Адриелиана способны породить не ветер, – настоящую бурю.

Церковь всегда выступала за объединение двух держав, – в обоих большую часть населения составляла ее паства. Но присоединится ли Аккения к Туллену, или же Туллен к Аккении, – Пресветлому Сегтеру безразлично, его Церковь – структура надгосударственная и не

зависящая от личных амбиций монархов. Такова была официальная позиция патриарха Гаптора.

Епископ Коот, тулленец по рождению и член королевского совета, никак не хотел бы оказаться перед дилеммой, – выбирать между верностью Церкви и интересами своей страны. Потому что сам не знал, что в итоге выберет...

Правда, Адриелиан не упомянул, кто же должен встать во главе объединенного государства. Знал, что найдется кому озвучить непроизнесенную им мысль.

Так и получилось. Слово немедленно взял лорд-комтур:

– В Аккении сейчас по большому счету безвластие, наследный принц Орвас не спешит возложить на себя корону. Конечно, его род правит Аккенией уже не один век. Увы, порой титул, полученный по наследству, имеет больше веса, чем заслуженный. Наш лорд-регент, – комтур отвесил легкий поклон в сторону Адриелиана, – хотя и правит Тулленом, до сих пор не считается не только императором, но даже королем. Но сейчас, насколько мне известно, вопрос о коронации можно считать решенным. Император Аккении погиб – как справедливо заметил сайэр Лейт, пал жертвой собственной обидчивости. Надеюсь – думаю, и мы все надемся, – что принц Орвас проявит больше рассудительности и прислушается к голосу разума. Он вспомнит, что хотя великая империя, о которой мы сегодня вспомнили, распалась много веков назад, в Аккении по-прежнему веруют в Пресветлого Сеггера и говорят на одном с нами языке. Поверьте, это достаточное основание для того, чтобы забыть распри. Главное – своевременно напомнить принцу. Равно как и о том, что отныне ему придется иметь дело уже не с лордом-регентом Туллена, а с императором Адриелианом, чьи владения почти в полтора раза больше его собственных, и который является супругом наследной принцессы Кандии.

– Кстати, – произнес лорд-канцлер. – Когда вы собираетесь сыграть свадьбу с ее высочеством Амиллой, милорд? До коронации или после?

После его слов в зале повисло молчание. Лорд-регент умел находить решения для самых сложных проблем, и военных, и политических.

Но для этой пока не нашел.

В дело, задуманное исключительно как политический брачный альянс, вмешалась материя своенравная и политическим расчетам не подвластная.

Вмешалась любовь.

Глава вторая

Что случается, когда влюбляется правитель государства

Когда он вошел, она сидела в кресле у двери на балкон. Дверь была высокая, застекленная. Дикий виноград опутал ее и растопырил листья, похожие на широкопалые лапы без ладоней, тщетно пытаясь заслонить комнату от безжалостных лучей солнца. Сверкающие стрелы мертвенно-белесого цвета, толщиной не более вязальной спицы, падали смертоносным ливнем, и казалось, что он вот-вот смочет, уничтожит без следа хрупкую темную фигурку...

В следующий миг она встала и шагнула к нему сквозь завесу. Невредимая.

Слепящая завеса сомкнулась за ее спиной.

Тонкая, как росток. Бархат платья, прошитый золотой нитью, почему-то кажется горячим, словно весь день пролежал на жарком солнце. Ткань туго стягивает ее стан и бессильными, тяжелыми складками стекает на пол. Хрупкая шейка клонится под тяжестью медных локонов и косичек, перевитых шелковыми шнурами. Ресницы, тронутые позолотой, дрожат. Капризный носик. Улыбка сладкая, несколько отстраненная – будто обладательница капризного носика вспоминает что-то такое приятное, что не передать словами, и тут же готова над этим посмеяться. Глаза под полуопущенными веками чуть щурятся. Вот-вот разомкнутся губки – блестящие, темные, как капли вишневого варенья, – и произнесут: «Что вы, лорд Адрелиан! Я ничего не вижу!»

Она не походила ни на пышногрудых, румяных южанок с кожей белой, как снега их родины, ни на дочерей степи, чье тела при свете пламени кажутся медными, а глаза так черны, что в них можно утонуть.

Женщина – самое прекрасное, что есть на свете. Даже если она не подарит тебе ласк, если просто пройдет мимо, едва удостоив тебя взглядом. Одни сразу ослепляют красотой, в других ее нужно разглядеть. Так ювелир высматривает в куске агата тот единственный завиток, который поможет одним распилом явить миру горный пейзаж размером с ладонь или неведомую птицу, летящую к солнцу. Так маг чувствует силу в неприметном обломке, впаянном в породу, или угадывает водяной пласт, скрытый глубоко под землей...

Когда Адрелиан открыл для себя эту истину, вода на Лааре не имела цены. Это после Катаклизма она стала бесценной. Тогда люди удивлялись, если десять дней не выпадало дождя. Тогда реки были полноводными, в любой захудалой деревушке имелся колодец, а то и не один, и никто не требовал плату за позволение набрать кувшин воды.

Но Адрелиан, командир крошечного гарнизона на границе с орочными землями, уже тогда умел ценить воду... и ценить женщину.

Пленницы, которых он брал – а потом и наложницы, которых с удовольствием поставляли ему услужливые вассалы, ибо отдать дочь в сераль лорда-регента считалось большой честью... Они ожидали другого.

«Чего ты ожидала? Почему ты так удивлена?»

«Я думала, вы прикажете сразу раздеться и...»

А он вместо этого приказывал евнуху принести дорогого вина и фруктов, садился напротив и начинал расспрашивать. О родном поместье, о том, как прошло путешествие в столицу, нравится ли ей новая комната. О подружках, о лошадях, о том, какой вид открывался из окна ее покоев. И никогда не обижался, когда девушка проявляла любопытство, которое другой счел бы непочтительным.

«Лорд Адрелиан, а откуда у вас шрам на подбородке?»

Он рассказывал про шрам. Рассказывал про Крейд-Моор... Но не про сражения. Что толку смущать их видениями крови, брызжущей из ран, дымящихся внутренностей, отрубленных голов? Он говорил о лесах Нальраэна, где густые ветви деревьев тянутся к самому небу и

не пропускают солнечного света. О суровых бородатых гномах, грубых и неотесанных. Когда его спрашивали о первых походах, он рассказывал об удивительных топях Уорлога, где на плавающих островках, сплетенных из водных растений, токуют птицы с чудесными бирюзовыми перьями и с хвостами, похожими на лиру...

Рассказывал и видел, как у его возлюбленной загораются глаза.

Так мог пройти не один вечер. И не один день. Бывшие соратники не удивлялись, но новые министры поначалу только качали головами – чудит лорд-регент. Но потом привыкли. И когда лорд Адриелиан прогуливался по дворцу, почтительно держа новую избранницу под руку, а потом проводил ночь в одиночестве, никто уже не удивлялся, не перешептывался и не высказывал сомнений в том, что наследник когда-нибудь появится на свет.

Пока, правда, лишь одна женщина подарила ему ребенка. Дочь...

И обеих отнял у него Катаклизм.

Ладно, не будем об этом. Не стоит. Что толку скорбеть о том, чего не вернуть? Теперь все в прошлом. А настоящее только что шагнуло ему навстречу из огненной завесы.

Настоящее... и будущее.

* * *

В руке она держала что-то, похожее на зеркало на толстой ручке. Однако в нем не отражалось ничего.

– Здравствуй, Амила.

– Добрый вечер, Ваше величество.

Такое обращение позабавило Адриелиана.

– Кажется, ты немного поторопилась.

– Если что-то произойдет неизбежно, разве нельзя считать, что это уже случилось?

Лорд-регент улыбнулся и прошелся по комнате.

– В таком случае, мне и стоит обращаться к тебе «Ваше королевское высочество»...

Тонкие, подщипанные золотыми ниточками брови взлетели вверх, щеки чуть порозовели... Или это только показалось?

– Ну что вы, милорд...

– ...ведь твоего отца уже короновали.

– Конечно, милорд. Но я подумала...

Девушка вздохнула – явно с облегчением – и прикрыла своим непонятным «зеркалом» вырез платья, вполне приличествующий столичной моде, но по кандийским меркам слишком глубокий. Только тут Адриелиан понял, что пристально смотрит на пару округлых холмиков, еще тронутых румянцем смущения.

– Что это у тебя?

– Баранья лопатка, милорд. Простите, если нарушила приличия... но мне надо было чем-то занять себя. Видите ли, я не стала брать с собой книг. Вчера вечером мне подали на ужин баранину, и это навело меня на одну мысль. Я попросила слугу, чтобы он достал лопатку и как следует отчистил ее. И в ожидании вас развлекалась рисованием...

Вот как, значит. Баранья лопатка...

– Осторожно, милорд. Берите там, где я держу, чтобы краски не размазались...

Рисунок был прост и незатейлив – полевой выюнок. Но казалось, тонкий стебель выходит прямо из руки – и ветвится, ветвится, опутывая кость, разворачивая темные листья-сердечки, раскрывая сиреневые цветки...

– Этот цветок у нас называют «утренняя слава», – объяснила девушка. – Видите, его цветы похожи на горн? Они раскрываются с рассветом – как будто трубят славу солнцу...

– А где ты взяла краски, Амила?

Девушка улыбнулась и игриво склонила голову набок.

– У всякой женщины они есть, милорд. Румяна и краски для век... И кисточки, конечно. Признайтесь, вы уже догадались! Кому, как не вам, знать женщин... – тут по ее личику словно пробежала тень. – Говорят, у вас сотня наложниц. Одна красивее другой.

– Кто тебе такое сказал?!

– Люди говорят.

– Ну, насчет сотни они явно преувеличили... – Адриелиан поспешил сменить тему. – И долго ты ехала?

– Нет ничего длиннее и ничего короче, чем путь жаждущего к источнику... Так у нас говорят.

Она отвела глаза, по лицу скользнула тень. Но через миг дрогнули уголки вишневых губок, прищур стал сильнее, зорче... Насмешка. Дерзкая, но такая нежная...

Время тянулось незаметно. Солнце скатилось за западную городскую стену, погасла огненная завеса на балконной двери. Дикий виноград стал похож на чугунную решетку, выкованную гномом, что заблудился в лесах Нальраэна и сошел с ума...

Переключалась стража на воротах. Из садов потянуло прохладой. Высокое небо, гладкое, с прозеленью, как семаахская бирюза, наливалось бархатной чернильной синью, и пламя свечи стало нестерпимо ярким, почти слепящим.

* * *

Принцесса сидела напротив – неподвижная, узкие ладони целомудренно сложены на коленях. В жарком сиянии свечи ее лицо казалось полупрозрачным, будто выточенным из сердолика. Адриелиан затаил дыхание. Сейчас он вздохнет – и видение рассеется, и он останется один в комнате... наедине с глухой болью невосполнимой потери.

– Ты не устала, Амилла? – спросил лорд-регент и удивился, услышав собственный голос – осипший, словно он целый день командовал полками на поле боя.

– Нет, что вы, милорд! С вами я готова говорить хоть до утра. Конечно, если вы пожелаете...

«Я пожелал бы никогда отсюда не уходить. Но еще больше мне хотелось, чтобы ты об этом не пожалела».

В кабинете его ждали доклады заместников. На послезавтра был назначен малый королевский совет. Адриелиан искал повода закончить разговор, уйти... и понимал, что на самом деле ищет повод задержаться еще хоть ненадолго.

Прощаясь, он поцеловал узкую, невесомую руку принцессы и застыл, вдохнув странный горьковатый запах благовоний, которыми было надушено ее платье – запах пустынь, сухой полыни и выгоревшего до белизны неба.

– Доброй ночи, Амилла.

– Доброй ночи, ваше величество.

Дверь закрылась. Еще несколько минут лорд-регент стоял в полутемном коридоре. Сердце отстукивало время, точно шаги невидимого стража на стене, а в ушах стоял глухой перезвон бубенцов – вроде тех, что погонщики нашивают на сбрую своих верблюдов..

* * *

На следующий день Адриелиан проснулся рано. Кажется, всю ночь во сне он искал слово, чтобы назвать что-то, но никак не находил.

Он открыл глаза. Бледно-голубые шторы заледеневшими водопадами ниспадали до пола – лорд-регент нарочно выбрал покои окнами на восток, чтобы не было соблазна залеживаться

в постели. Было тихо – как бывает только рано утром, когда солнце, до сих пор прячущееся за дворцовыми стенами, за крышами домов, вдруг подскакивает, точно сияющий хрустальный шар, и застывает в небе, пораженное собственной дерзостью.

И тут лорд-регент понял, что нашел то самое слово. «Счастье».

Он был счастлив.

До самого вечера это чувство не покидало Адрелиана. Откуда-то взялись силы, словно на него наложили заклятие неутомимости. День тек, как река – то невыносимо медленно, то стремительно, неистово, словно пытаюсь обогнать самого себя... и нес его к той двери из тяжелого красного дерева, к тому мгновению, когда он толкнет ее и войдет в комнату с занавесом из огненных копий, пронзающих черные листья дикого винограда...

За ужином он спросил, не желает ли она чего-нибудь.

– Милорд... Я буду вам верной женой. Я буду радеть о благе Туллена. Я рожу вам наследника. Я прошу вас лишь об одном. Не принуждайте меня менять веру.

Адрелиан замялся.

– Поймите меня... Я хотела бы принять вашу веру сердцем. Как приняла вас, мой государь.

В комнате стало очень тихо. Казалось, даже дрова в камине перестали трещать. Узкая ручка принцессы замерла на красной парче рядом с его рукой – так близко... так ужасающе близко...

...И Адрелиан увидел как наяву: тяжелое лезвие топора с сухим треском входит в столешницу – между ее ладонью и его.

Лорд-регент поднял взгляд. Глаза Амиллы, чуть раскосые, цвета недоспелого желудя, смотрели на него.

– Принять человека проще, чем принять бога. Я не училась магии, не беседовала с мыслителями, милорд Адрелиан, и не могу объяснить, почему оно так. Если просьба моя слишком обременительна...

– Нет... – выдохнул Адрелиан. – Что ты...

Он все еще не мог поверить собственным ушам. В комнате вдруг стало слишком мало воздуха. Или его собственные вены стали слишком узкими, чтобы вместить обезумевшую кровь?

А может быть, эта девочка, едва достигшая брачного возраста, просто не ведает, что говорит? Но нет, так не глядят юные барышни – райские птички, выращенные в тепле и холе, повторяющие заученные по книжкам и балладам клятвы.

– Вам нехорошо, милорд?..

Тонкие-тонкие пальчики коснулись его запястья, как дыхание.

Конечно, он не станет принуждать ее переходить в иную веру. В конце концов, девочка права: как можно заставить кого-то уверовать? Вера рождается в душе... как любовь. Если разобраться, вера – это и есть любовь к богу. И, как любовь, она бывает разной. Светлой, неистовой, всепоглощающей. Мучительной, омраченной ревностью и сомнениями и существующей вопреки им – подобно дереву на оледенелом склоне, что избито ветрами и снегом, но все равно цепляется корнями за каждую трещинку, за каждый уступ. Она может быть холодной, похожей на привычку, как в браках, о которых говорят, что они заключены без любви...

Но... Если в народе пойдет гулять слух, что на престоле сидит еретичка, что тогда? Очень многие усилия пойдут прахом... А уж распустить тот слух найдется кому, будьте уверены. Те же владетельные сайэры, оскорбленные, что не на их дочерей пал выбор лорда-регента.

Надо будет обсудить проблему с епископом Коотом. В отсутствие патриарха именно он высший специалист королевства про делам религии и веры.

И, конечно же, Адрелиан распустит гарем. Это будет непросто. Хотя бы потому, что каждой из его возлюбленных – *бывших* возлюбленных – надо выплатить отступные. По закону

Туллена мужчина, расставаясь с наложницей, обязан заплатить ей или ее семье – чтобы женщина могла хотя бы какое-то время жить безбедно.

Лорд-регент АдРЕЛИАН – а когда-то просто офицер имперской гвардии – отпускал своих наложниц так, чтобы ни одна не уносила в сердце обиды.

Он уже переговорил с лордом-казначеем. Разговор получился долгим и малоприятным. Сайэр Авенир, некогда адепт Алого Ордена, тучный, пунцовый, то и дело возводил очи горе, качал головой и прикладывался к кубку с белым аккенийским – другого вина он не пил. АдРЕЛИАН усмехнулся. Эх, сайэр казначей, кому бы говорить про потворство женским капризам! Вся столица знала, как дочка покойного сайэра Карфакса окрутила Авенира, некогда выпивоху и похабника, каких поискать. Правда, и сейчас в тесной компании бывший магистр мог спеть пару песенок, от которых и орк покраснеет. Но с пьянством было покончено раз и навсегда. А что до песенок... против них и сама сайрис Эльвен не слишком возражала.

Прикидывали, взвешивали, спорили. Сумма выходила немалая. Учитывая предстоящие расходы – на коронацию, на свадьбу – и вовсе неподъемная.

Ставя подпись под утвержденным списком, АдРЕЛИАН тогда пошутил:

– Хорошо, что у меня не сто наложниц.

И сам понял, что шутка получилась не смешная.

...Так или иначе, Аллена и Урсель уже покинули дворец, и обе получили щедрые отступные. А завтра предстоит настоящее испытание – беседа с Валдой. Тут можно ждать чего угодно: язвительных упреков, истерик, угроз самоубийства и клеветы... Амилла, любовь моя. Ты и вправду думаешь, что девушки Туллена и Аккении спорят за право разделить ложе с АдРЕЛИАНОМ, Объединителем земель, героем Крейд-Моора? Скорее уж это относится к их сиятельным и не слишком сиятельным папашам. Сайэр Кавель весьма щедро заплатил – не деньгами, лояльностью к престолу – за то, что его дочь получила возможность подарить наследника лорд-регенту. Возможность, которой она так и не воспользовалась...

Потом Солана, северная красавица. Одна из первых, кто вместе с АдРЕЛИАНОМ начал обживать этот дворец – еще полуразрушенный, хранящий следы пожаров и грабежей. Дворец отстраивался, расцветал, – а вместе с ним расцветала и Солана. Потом начала полнеть. Она всегда любила белые одеяния, тяжелые украшения гномьей работы. Как хорошо было прийти к ней поздним вечером, забыться в ее объятиях, в напевных воркующих звуках ее низкого грудного голоса... и под конец уснуть, прижавшись к ее пышному плечу и вдыхая запах парного молока, который почему-то всегда исходил от ее не тронутой загаром кожи. В ее ласках было что-то материнское.

Солана не упрекнет, не станет стыдить. Разве что спросит почти равнодушно: «И какова она из себя, эта Амилла?» Что ответить на ее вопрос? Как оправдаться, не оправдываясь, потому что оправдания глупы и бесполезны?

И Флайри. Грустная умничка Флайри – встретиться с которой довелось посреди пламени мятежа, среди смерти и крови...

* * *

На третью весну после Катаклизма некий владетельный сайэр, по имени Яллен Суркот, объявил, что гибель королевской семьи освобождает его от вассальной присяги короне Туллена, а посему отныне его земли являются суверенным государством.

Хуже того: бросил в темницу мага, который по приказу лорда-регента обводнил окрестные земли, а держать источник поставил другого, обманом убедив его в том, что прежний владелец со своими обязанностями справляться больше не может. Маг заподозрил неладное, но кошель с золотыми содарами сделал свое дело...

Адрелиан, лишь полтора года назад провозглашенный лордом-регентом, отправился в путь, чтобы лично встретиться с новоявленным самодержцем. Но вот беда: писарь, который должен был присутствовать при переговорах, в дороге занедужил и остался на постоялом дворе. Проблема не большая, особенно сейчас, но... Шел третий год от Катаклизма, людей не хватало, особенно людей грамотных.

И в охотничий домик, где остановился Адрелиан со своим отрядом, приехала девушка.

Придерживая пыльный платок, который был наброшен на голову – лицо у нее было открыто, – она спросила:

– Лорд Адрелиан... Вам еще нужен писарь?

Она была из Мааров – рода знатного, но бедного. Вся ее родня погибла в Катаклизме, крестьяне с родовых земель разбежались. Девушка добывала себе пропитание тем, что помогала вести дела местному трактирщику... и охотилась. Ездил верхом и стреляла из лука Флайри так, что многим стоило бы поучиться. И, разумеется, в той, прежней жизни была изрядно обучена грамоте.

Потом были переговоры, завершившиеся ничем, и бой, принесший победу отряду лорда-регента, и штурм замка, казавшегося неприступным, – отчаянный штурм, самоубийственно дерзкий, и лишь оттого, наверное, ставший успешным.

Адрелиан освободил незадачливого мага, в замке оставил наместником верного сайэра Прама, увез Яллена Суркота в столицу, в оковах, – для того, чтобы правосудие вынесло окончательный приговор... И увез Флайри Маар – ясное дело, не для суда.

Девушка оказалась не только смелой, но и умной. Только вот почти никогда не улыбалась. Даже когда он дарил ей подарки, когда благодарил за робкие, но такие мудрые советы, когда зарывался лицом в ее пышные каштановые волосы в попытке обрести блаженную сияющую тьму, что накрывает любовников на пике наслаждения... Даже тогда ее широко раскрытые глаза наполняли тревога и боль.

Адрелиан вспоминал реки на стыке болот и предгорий Йериклиппена. Их русла глубоки, словно прорезаны клинком в теле земли. Летом вода в них кажется неподвижной, как золотисто-бурое стекло. Но поздней осенью начинаются дожди, и тогда выходят из берегов и несутся, исходя белой пеной, в отчаянной попытке достичь моря...

«Ты права, Амилла. Права во всем. И насчет веры. И насчет йордлингов – с ними не стоит иметь дела. Балеог стал слишком заноситься. Прямо кум королю... Интересно, знаешь ли ты, с каким жаром он убеждал меня взять в жены одну из своих сестричек?..»

Кость с нарисованным вьюнком до сих пор лежала на столе в его комнате...

Талисман.

Залог любви.

Глава третья

Прерванные разговоры

Донг... Донг... Донг...

Большой колокол возвестил смену караула. Наступала Заполночная стража – самое недоброе время суток...

Днем гул колокола быстро тонет в тысячеголосом шуме столицы – людском говоре, скрипе повозок, криках торговцев... Кажется, и не подавал он голоса, и на воротах и стенах стоят те же стражи в плащах цвета закатного солнца.

Но то днем. Ночью – другое дело. Последние гуляки разбрелись по домам, погасли все светильники в окнах. Даже собака не вдруг подаст голос... да и было бы с чего. На улицах ни души.

Город спит. Не спят лишь стражи на стенах да, может быть, ненасытные любовники, что еще не успели сполна насладиться друг другом. Но эти счастливицы скрыты стенами спален, тяжелыми занавесками, мраком ночи.

Нет! Есть те, кому этой ночью не спится, не сидится дома. Но стражи на стенах не заметят их. Ни одному не придет в голову бросить взгляд в сторону старой башни, что стоит на окраине столицы, точно огромная обугленная колода.

Когда-то здесь проходила городская черта, и высились укрепления, и на смотровой площадке башни стояли дозорные, а на древке реял желто-алый штандарт королей Туллена. Но город богател и рос, точно опара на добрых дрожжах. Старые крепостные стены стали ему тесны. И однажды их сломали, чтобы возвести новые. Почему не снесли эту башню? Никто не знал. Может, кто-то и помнил, но память об этом погибла в хаосе Катаклизма. Многие тогда погибли, многое кануло в безвестность... Но эта древняя башня уцелела. Она мрачно и презрительно взирала на крошечных человечков, которые после катастрофы копошились у ее подножья, пытались собрать то, что уцелело... свое ли, чужое ли – не важно.

Вход в башню давно замуровали, чтобы любопытные мальчишки не лазили и не ломали себе руки и ноги.

Однако тем, кто стоял сейчас, в Заполночную стражу, на смотровой площадке, удалось все-таки найти лазейку. И были это вовсе не мальчишки.

Может, и не люди вовсе проникли в старое укрепление, а бесплотные духи, которым не помеха запоры и стены? Черные капюшоны надвинуты глубоко, что под ними – не разглядеть... Нет, вряд ли стали бы духи кутаться в плащи, защищаясь от порывов ветра.

Или эти двое боялись, как бы не подхватил ветер их слова и не бросил в город?

Если и так – кто их подберет, эти слова? Город пуст, словно вымер. Мертвым семенем они упадут в пыль, а утром ветер, задремавший перед рассветом, снова зашевелится, заворочается, стирая все следы... И никто ничего не найдет – просто потому, что искать не будет.

Но семя взойдет.

– Коронация...

– Дело решено...

– Гвардия... На обучение...

– В Храме Вольных, говоришь?..

Станный голос. Сиплый, сдавленный, с посвистом. Неживой. Слово не из горла вырывается, а из полой кости, до дыр источенной веками. Не холод в нем слышится, лишь пустота – бесконечная, незаполнимая.

– И Молот, Молот... – шебуршит пугливой крысой второй голос. – Вот уже с-с-семь дней... Хиг-гарт... Наверш-ш-шие...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.